

Петр Владимирович Катериничев
Огонь на поражение
Серия «Дрон», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=134388
Огонь на поражение: Центрполиграф; М.; 2003
ISBN 5-227-01772-7

Аннотация

Олег Дронов, бывший аналитик службы разведки, становится обладателем сведений о скандальных досье, позволяющих сделать ведущих политиков и бизнесменов России послушными марионетками. Он попадает в круг интересов некоей Организации, жаждущей получить полную власть в стране. Дронов ищет досье, а Организация ведет охоту на Дронова, используя шантаж, похищение детей, убийства. Олегу Дронову необходимо найти и уничтожить секретные бумаги и саму Организацию...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	39
Глава 8	46
Глава 9	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Петр Владимирович Катериничев

Огонь на поражение

Дрон – 2

Глава 1

Пламя совершенно прозрачно. Лишь иногда язычки окрашиваются алым и голубовато-сиреневым.

В комнате сумрак осеннего утра. Огромное окно полуприкрыто жалюзи, за ними угадываются силуэты высоких сосен. По стеклу стекает вода, – на улице идет плотный дождь.

Мужчина аккуратно снимает широкую бронзовую джезvu со спиртовки, вливает глинтвейн в массивный стеклянный кубок с вензелем и гербом. Смотрит сквозь напиток на пламя – цвет темного рубина.

Мужчина высок, плотен и, должно быть, очень силен. На нем свитер свободной вязки, широкие брюки, шея обмотана жестким шерстяным шарфом. На вид ему под пятьдесят.

Он подносит напиток к губам, осторожно пробует. Затем подходит к низкому креслу перед камином, ставит кубок на столик рядом, удобно усаживается, вынимает из коробки сигару, раскуривает, пыхая голубоватым невесомым дымом. Поджигает специально наколотую тонкую лучину, смотрит на огонек, подносит к скрученной бересте под золотистыми поленьями. Береста занимается с легким потрескиванием, пламя охватывает поленья. Камин начинает слегка гудеть.

Огонь ровный и мощный.

Мужчина берет кубок, делает маленький глоток и любителю огнем сквозь напиток: цвет пурпура с золотом.

Ефим Зиновьевич Кругленький никогда не роптал судьбу. Он гордился собой. И имел для этого оснований. У кого есть мозги, у того они есть!

Он гордился громадной четырехкомнатной квартирой в центре столицы, откупленной у вконец обнищавшего генерала авиации, измученного безысходными запоями и сварам с родней. Дом этот некогда был горкомовским, и Ефим Зиновьевич с любопытством и удовольствием наблюдал процесс, как он называл, «смены состава»: партийно-профсоюзные бонзы средней руки потихоньку съезжали, обживая места попроще, а соседями Кругленького становились индивиды подвижные, сметливые и, что называется, тертые. Того, что именуется «своим кругом», промежду новыми соседями уже не складывалось. Да и как, если одни летели в тартарары, да еще вдруг, в одночасье, другие – отбывали в страны заморские, третьи – перебирались на чистый воздух Юго-Запада, ближе к властному Олимпу. Ну да куда нам в такие князи, да и зачем, вот именно – зачем?!

Ефим Зиновьевич искренне был доволен, а потому приветственно махал соседям пухлой ладошкой, «прикалывал» в случайных разговорах пару-тройку хохмочек и обрел за те безделицы репутацию соседа добронравного, покладисто-любезного, удачно пристроенного где-то при искусстве (то ли при эстраде, то ли при телевидении, то ли при рекламе, а скорее – везде сразу), а значит – человека состоятельного, независтливого и притом не сильно амбициозного. И все это было чистой правдой!

– Фимочка, – не раз говаривал ему покойный дядя Яков, – в этой стране у еврея может быть только два счастья: сидеть тихо и не отсвечивать! Кому, скажи на милость, нужен твой неугасший молодой задор? Этим плоскогрудым шиксам в перманенте? Этим комсомольским

мальчикам с головами, совсем свободными от мыслей, как у тети Ревы перед кончиной, – шоб ее дети были здоровы?! Таки нет!

Так ты просто сгоришь молодым факелом, и твои родственники не будут по тебе сильно убиваться, и твои родственники будут правы! Фима! Главное еврейское счастье в этой стране – дожить до преклонных годов и иметь свой кусок хлеба с хорошим куском масла, и шоб было чем не ударить лицом перед соседями, и нянчить внуков, и носить за ними горшок! И скажи мне, что это плохо!

Дядя Яков был мудр, но он любил выпить водки, и на улице его хватил удар, и он умер, не дожив до восьмидесяти. Но притом оставил детям кое-что.

Ефим Зиновьевич гордился собой. Ему было что оставить детям. Он не умел делать зубы, как дядя Яков, но он умел другое – бегать, суетиться, связывать готовые разорваться концы, доставать то, чего достать нельзя, уговаривать, обещать, сочетать взаимные интересы, естественно, не забывая своего. Кругленький был администратором. Причем в самом суматошном и непредсказуемом из миров – мире эстрады, телевидения, кино. Наконец-то наступило его время, – дела закрутились, пошли! Его не тянуло становиться продюсером, вести дело, самому тащить весь воз и рисковать – на это были другие. Но зато в своем деле – связывать концы – Фима считался незаменимым, и это была чистая правда!

Ефим Зиновьевич богател. Его дочь училась в калифорнийском колледже, жена Соня, необъятных размеров женщина, с дорогой ее мамочкой лечились чуть не круглый год на пляжах и грязях Средиземноморья, – уж эту радость он устроил не столько им, сколько себе. Нет, Кругленький не гулял – с детства он отчаянно боялся сифилиса, а теперь еще и СПИДа, а потому держал для радости двух полненьких замужних дамочек, коих и посещал по вторникам и четвергам и изредка «выводил в свет» – в ресторан или на фуршет. Дамочки млели от вида очередной знаменитости и ценили кавалера за ум, талант и веселый нрав. И это была чистая правда!

...Ефим Зиновьевич с удовольствием поплескался под душем, мурлыкая что-то приятное, тщательно выбрил полные бархатистые щеки и, накинув банный халат, отправился на кухню готовить завтрак. Ефим никогда не понимал людей, пренебрегающих едой. Таким он не доверял. Если человеку не нравится хорошо кушать, он не любит себя, а если он не любит себя, то как он может любить кого-то еще – будь то мама, дети или все человечество? Это наркоман, и не важно, от чего он балдеет, – от водки, от власти, от зарабатывания денег... Человек, который говорит о большой цели и пренебрегает собой, пренебрегает и всеми остальными, а значит, это – опасный человек.

Ефим Зиновьевич с удовольствием наблюдал, как прозрачное оливковое масло пузырится от жара сковороды... Так, теперь положить нежнейшее куриное филе – ах, какое мясо... Крылышки отдельно, поподжаристей... И помидорчики, свежие, кубанские, вот так, большими ломтями, и лучок, и петрушечка... Какой аромат!..

Продукты Ефим Зиновьевич закупал на рынках самолично, его знали и оставляли всегда лучшее – нет, не за то, что переплачивал: его уважали. Он ценил и уважал продукт, он его любил, а значит, любил и тех, кто его продавал и выращивал. Все эти концентраты, консерванты и «Анкл Бенсы» – для глупых недоумков, так и не научившихся ценить вкус рассыпчатой белой картошечки, чуть присыпанной крупной солью и окропленной постным маслом...

Ефим Зиновьевич любил жизнь. Он любил се и как средство что-то заработать, чего-то добиться, но главное – он любил сам процесс. И потому был абсолютно здоров. И счастлив.

Ефим Зиновьевич Кругленький знал мир, в котором жил. Это только простаки полагают, что мир искусства держится на таланте, вдохновении, на чем-то зыбком и возвышенном. Чушь собачья. Уж он-то знал! Этот мир душит, питается, живет сплетнями, интригами, завистью, подлостью и жестокостью, без этого он не сможет существовать, это его кровь, это

его нервная система, это питает его мозг... В таком мире Ефим Зиновьевич чувствовал себя комфортно. Он умел предавать. Прежде чем успевали предать его. Он знал в этом вкус, – это и была настоящая жизнь, настоящая борьба, в которой, как он полагал, ему не было равных.

Даже ситуации совсем пропащие он умел оборачивать себе на пользу. Сейчас же на его пользу работало все. Главное – вовремя сориентироваться.

Кругленький не забыл, как сориентировался когда-то. Очень вовремя. Это было лет пятнадцать назад – как раз тогда, когда его имя, фамилия, выговор, внешность и беспартийность – в анкетах он писался украинцем – грозили поставить крест (хе-хе, экая ирония) на его и без того не самой блестящей карьере, на его благосостоянии, пусть и небольшом, но прочном. Тогда он думал. Думал трудно, напряженно. И был готов уже идти на Лубянку и, как последний поц, предложить свои услуги этим круглоголовым дебильчикам из «пятерки» – борцам с идеологическими диверсиями.

Но то ли на лице его уже отпечаталось что-то, то ли действительно мысли и намерения наши обладают необъяснимым свойством сообщаться другим, а только идти ему никуда не пришлось. К нему подошли сами. Подошли нежно и ненавязчиво – он ожидал чего-то серо-неприметного, с затемненными стеклами на глазах, – а объявился полный субъект в экстравагантном по тем временам галстуке, лысый, полногубый, улыбающийся ровными, прекрасно изготовленными перламутровыми зубами.

И попросил содействия в устройстве некоей девицы в некую телевизионную программу. Дело обычное, – необычным являлось то, что субъект был совершенно «левый» и с такой просьбой подходить к Ефиму не было ему никакого резона. Но чутье, оно как мастерство, его не пропьешь... Что-то было в интонациях полного этакое...

Кругленький просьбу выполнил. И даже старательно. Субъект исчез, девчушка-протееже вещала нечто и лупала пустыньками глазками в камеру, прошел месяц, другой, тучи ходили над кучеряво-лысеющей головой Кругленького, и он начал было уже гадать – а не спорол ли крутую лажу? Таки нет! Сыпались все: маститейшие чахнули за коньяком – не снимали, известнейших клеймили за отсутствие активной жизненной позиции, нового героя, воспитательного звучания...

К Кругленькому же заказы шли косяком – пустые, зато денежные, профсоюзно-комсомольские! Фима бесцеремонно на пару с дерьмовым режиссером выдергивал на выбор лучших операторов и монтажеров и лепил фильм за фильмом – о подъеме Нечерноземья и славной милиции, о народных промыслах Камчатки и дружбе народов Закавказья...

Что до девчушки, то, отчирикав положенное, она исчезла, как испарилась. До Фимы дошла сплетня, что прелестный ротик она открывает уже по другому поводу и в опочивальне такого лица, чье имя лучше было и не произносить всуе... Кругленький и не произносил. И даже старался не думать. Ну да у кого есть мозги, у того они есть!

А потому Фима понимал, что все содеянное для него неизвестными благодетелями есть аванс, и его придется отрабатывать. Он был к этому готов. Он ждал.

К нему снова подошли. На сей раз это была дама самой аристократичной наружности, высокомерная, плавная, спокойная. Ее представили на каком-то киношном официозе как киноведа-теоретика, и за бокалом шампанского дама настойчиво и целеустремленно, персонально для Фимы, задвинула речь: какие фильмы есть искусство, какие – нет. Как диагнозы ставила. Кругленький загрустил глазами и не мельтешил: мысль была единственная – как бы слинять похуже. Дама была сухощава, как вобла, навязчива, как ледокол «Ленин» на экваторе, и глупа, как круглая дура, изнасилованная гуманитарным образованием. В ее появлении Кругленький заподозрил даже волосатую руку Ромы Бейлина, обчищенного Фимой с напарником прошлой средой за преферансом вчистую. Бейлин знал, что именно таких баб Фима не просто терпеть не может – не выносит.

Но грубо отвалить что-то мешало. Интуиция? Чутье?

И тут:

– ...это не просто безвкусица, это моральный стриптиз, это гнусность и пошлость, претенциозная, лживая...

Дальше Фима не слушал. Дальнейшее было не важно. Он думал. Среди дурацкой болтовни промелькнуло два имени, вроде бы бессвязно: Федор Антонович и какая-то фамилия притом и Лев Самуилович Шпарович. Федором Антоновичем представился тот полный самоуверенный весельчак, что просил пристроить девицу... Имя было как бы паролем. Ну а Льва Самуиловича в их мире знал каждый, – это был кит, слон, дракон вместе взятые! Подставить его было нельзя – его можно было только стереть, уничтожить или, как выражались люди тихие, – устранить. Самое противное было то, что как раз Шпарович выводил «в люди» его, Фиму, и был он даже каким-то далеким родственником дяди Якова...

Фима думал. Но думал он не над вопросом: «Делать – не делать?» Он думал над тем, как делать наверняка.

Старик Шпарович таки пожил. Кто знает, сколько грехов было на совести самого Льва Самуиловича, раз он сумел не только пережить без паралича и инфаркта всех генсеков и минкультов, но еще и очень-очень многое нажать... Нет, бросать на ветер свое благосостояние, свою будущность, свою покойную старость – разве ж тут есть вопрос? Тут есть только ответ!

Фима думал. И придумал. Налетел на Шпаровича мелкий прыщавый режиссеришка, подающий надежды, его неожиданно твердо поддержал всегда «никакой», обтекаемый предпрофкома – уж об том Фима позаботился особо; следом остороженько вякнул замдиректора студии – уж у этого всегда были уши по ветру и хвост пистолетом!

Лев Шпарович ушел с худсовета разъяренный и красный, пообещав всех смести. Три дня было тихо. А потом карманный Фимин писака в третьестепенной газетенке тиснул статью. В смысле, что «да, и вроде бы да, но – нет»!

А еще через три ухнули газеты главного калибра. Уже не заботами Кругленького. Но он-то понял, что попал.

Старика Шпаровича не просто смели, его еще и прикопали на три метра вглубь.

В переносном смысле.

А через полтора месяца – и в прямом: обширный инсульт, распространившийся на оба... Гордость советской кинематографии... Некролог подписали лица, понятно, не первые, но весьма значительные.

Ефим Зиновьевич Кругленький стал богаче. Много богаче.

Ефим Зиновьевич гордился собой.

Он правильно оценил положение. Некие люди стремились овладеть ситуацией загодя. Не на телевидении, вернее, не только там. Везде.

Кругленький не хотел знать лишнего. Для него было достаточно, что он вовремя сумел сориентироваться, занять нужную сторону и вот уже несколько лет работал активно: собирал информацию – или сплетни, как кому нравится, – пристраивал, кого требовалось и куда требовалось, помогал убирать неудобных.

Деньги текли к нему рекой. Те самые миллионы, что в конце восьмидесятых хлынули в кино «на отмывку», – через его мягкие пальцы журчал не самый узкий ручеек.

Неведомые «фигуранты» не забывали Фиму, как и он никогда не забывал о них.

Иногда приходила мысль: а не послать ли этих благодетелей уже подальше, – они помогли ему стать богаче, но ведь и он в долгу не остался! Большие деньги рожают иллюзию независимости. Вот именно, иллюзию!

Ибо мешали три соображения. Во-первых, Фима не знал, кто эти люди, и соответственно не мог оценить степень собственной значимости для их бизнеса: уход в такой ситуации был бы равнозначен самоубийству. Второе, конечно, деньги.

Их много не бывает. И процесс их постоянного получения настолько приятен сам по себе...

Ну, а третье... В этом Ефим признавался только самому, себе, да и то невнятно, как бы шепотом. Эти неизвестные дали Кругленькому возможность насладиться самым большим удовольствием – властью. Теперь во многом от Фимы зависело, кто останется на коне, а кто будет повержен, кто при деньгах и славе, а кто – в забвенье... И то, что реальной власти Кругленького, как и реальных размеров его богатства, не знал никто – даже его «шефы», только добавляло этому приятному ощущению власти особый вкус... Тонкий и изысканный...

Фима пригубил бокал сока. Манго и апельсин. Видела бы сейчас его мама...

Она бы гордилась.

Он сделал еще маленький глоток... Вот именно – вкус тонкий и изысканный...

Ровно неделю назад Фима снова сделал выбор. И снова в свою пользу. Теперь уже – именно в свою.

К Кругленькому на этот раз подошел мужчина профессорской наружности – не хватало лишь золотого пенсне и обращения «батенька». Вот только разговор пошел строгий. Фима понял: «профессор» не фигурант, а активный функционер неизвестных благодетелей... Благодетелей?

Речь зашла сразу о Семене Штерне. Именно его собирались устранять. Вместе с окружением. Выявить его «концы», в том числе и теневые, в кино и на ТВ, и начать тихонечко их чистить должен был именно он, Фима.

Ефим Зиновьевич был не трус. Но он испугался. Испугался смертельно. Тому были причины.

Если «устраниловку» начнет он, Фима, – он станет живцом. На него и его действия должен отреагировать Сема Штерн, чтобы попасться и сладиться вчистую.

Насчет того, как отреагирует Сема, Кругленький иллюзий не питал. «Профессорские» заверения в том, что его прикроют, что операция будет развиваться стремительно с разных концов, Фиму не убедили. Он резонно полагал, что к тому времени его дорогое ему тело превратится в остывающий труп с орнаментом из пулевых отверстий от груди к спине и обратно. Такая перспектива пугала. Как сказала бы покойная тетя Рева: «Оно вам надо?»

Таки нет!

Ефим Зиновьевич знал только один правильный вариант данного дебюта: устранение ферзя, Семена Давидовича Штерна. Только в этом случае можно было играть.

В ином другом – нет!

Но с Кругленьким никто и не советовался. Его просто поставили в известность. Вернее – подставили в неизвестность. Как выражаются блатные – Фима «попал в непонятку».

Сема Штерн, как и сам Фима, был вовсе не тем, кем его знала публика. За его осанистой спиной маячили неясные тени – то ли бывших кагэбистов, то ли агентов империализма, то ли воровских авторитетов, то ли проворовавшихся высших армейских чинов, то ли всех их вместе, оптом и в розницу...

Фиму терзали два чувства: страх и обида. Страх – оно понятно, почему.

Обида... Ну а как же иначе: наконец-то поиметь деньги и все, что к ним полагается, заработанные нервами и потом, мозгами и кровью, – и все для того, чтобы тебя поимели какие-то засранцы?!

Но Фима думал. Очень думал.

У кого есть мозги, у того они есть!

Все просто! Фима активизировал с десяток «левых», ничьих мальчиков – такого добра на ТВ всегда с избытком, а потому они готовы поактивничать и хоть к кому-то примкнуть, абы отхлебнуть от кормушки денег или славы (что в общем-то в этом мире одно и то же), – и тихонечко направил их на Семиных людей. Не отсвечивая.

Да! Вот, что больше всего раздражало Фиму в Семе Штерне, – он не сидел тихо и отсвечивал. Был каждой бутылке – пробка. Но при том – ему все удавалось!

Короче, Фима нашел «отмазку» для «шефов»: если Сему Штерна все-таки «прикопают», – были люди, люди суетились, это мои люди. С другой стороны он тихонько, вкруговую, запустил информацию для Штерна. Фима это называл – «запустить рулетку». Чтобы Сема пошевелил извилинами.

Победит, как водится, сильнейший. Его сторону и займет он, Фима. Оставалось только ждать.

Кругленький внимательно следил за происходящим. Хотя вроде бы ничего и не происходило. Но у Фимы было чутье, оно у него есть! Как выражался Изя Бабель:

«Передайте тете Соне, что Беня знает за облаву». Что там было дальше, в рассказе? Ну да, пожар в участке. Огонь.

Что ж, будем ждать огонь.

Фима повязал галстук, застегнул шикарный пиджак. Провел щеткой по остаткам волос. Раздвинув губы, обнажил десны – розовые, крепкие, здоровые. Сдвинул зубы вместе. Улыбнулся. Искренне. Самому себе. Фима знал: если сегодня его и ждут неожиданности, то приятные.

Он открыл «атташе». Все на месте. Губы плясали, выдувая мелодию, – хотя сам он, похоже, занятый мыслями, даже не замечал этого: Гусарская рулетка, опасная игра, Гусарская рулетка – дожить бы до утра, Так выпьем без остатка...

Щелкнул автоматический замок.

Черная «волга» тронулась с места, едва Ефим Зиновьевич Кругленький появился на ступеньках подъезда. Ловко подкатила и замерла. Задняя дверца открылась. Ефим сделал несколько шагов, наклонился. Это была его «волга». С его шофером – здоровенным подмосковным увальнем по имени Рафик. В Рафике, похоже, текла восточная кровь, но он был не еврей. Евреям Фима не доверял.

Глаза Фимы сделались круглыми от удивления. Выстрела он не услышал. Просто упал на заднее сиденье, даже не успев понять, что его уже не стало.

* * *

«Волга» плавно тронулась с места. Проехала несколько кварталов.

Остановилась в тихом переулке. Дверца открылась. Из-за руля вылез человек – в длинном черном плаще, в черной широкополой шляпе, в темных очках. Захлопнув дверь, он не торопясь зашагал по переулку, свернул за угол и исчез.

Если кто его и видел, так только семенящая в булочную бабулька. Хотя – вряд ли обратила внимание. А если и обратила, сказать, какого человек роста, сложения, блондин, брюнет – этого уж точно не смогла бы. Не смогла бы даже определить, мужчина это был или женщина. Или подросток. Да и кто их нынче разберет – все на одну мерку скроены!

«Волга» простояла до вечера. Если кто и замечал лежащее неловко на заднем сиденье тело – то кому какое дело, как человек отдыхает. О трупе в машине заявил по ноль-два какой-то школьник. По крайней мере, так поняла принявшая сообщение сержант Ольга Щеглова.

Подъехавшую опергруппу ждал не самый приятный сюрприз – трупов оказалось два. Один, в шикарном костюме, действительно лежал на сиденье, второй – на полу.

Было странно, как уместился там такой увальень. У него не оказалось никаких документов, только неумелая татуировка на левой руке: «Рафик».

Глава 2

Юноша лежит на спине. Женщина, худенькая брюнетка, сидит верхом на нем, раскачиваясь, поднимаясь и опускаясь. Длинные ярко накрашенные ногти впиваются юноше в грудь, оставляя глубокие борозды, которые тут же набухают кровью.

Женщина кричит, она почти не контролирует свои действия. Юноша пытается обхватить ее спину, перевернуть, – она наотмашь бьет его по лицу, крепким костистым кулачком по переносице. Еще, еще. Впивает ногти в щеки, выгибается, кричит-стонет – и замирает. Юноша пытается двигаться, но женщина легко соскальзывает с него, набрасывает халат. На вид ей за тридцать, она прекрасно сложена и хороша собой. Юноше – вряд ли больше пятнадцати – шестнадцати лет.

– Линда, я же не кончил. – Голос его жалобный, взгляд по-собачьи преданный.

– Хелп еселф', – усмехается Линда и выходит из комнаты.

Юноша поворачивается на бок и плачет, уткнувшись в подушку.

Линда появляется в столовой. Посвежевшая после душа, волосы уложены, деловой костюм. Горничная – сурового вида крупная женщина – подает кофе и гренок. Линда гренок едва пробует, выпивает кофе. Встает.

– Госпожа...

– Да?

– Как с молодым человеком?

– Накорми завтраком и выпроводи.

– Немного денег?

– Вот именно – немного. На резиновую куклу. На большее у него не хватит фантазии.

Все.

– Да, госпожа.

У подъезда ждет белый «мерседес». Шофер застыл у дверцы. Захлопывает.

Машина трогается.

Линда снимает трубку телефона, набирает номер:

– Буду в конторе через десять минут. Нет, Поговорите с ним сами. Это ваши проблемы.

Все бумаги по «Юнион трек» должны лежать на моем столе к пятнадцати.

Мне неинтересно, что вы успеваете и как! К пятнадцати! Все.

Вид у Линды раздраженный. Достает сигарету, щелкает изящной золотой зажигалкой.

Входит в офис. Когда пересекает комнату служащих – все замирают, словно вжимаются в столы и кресла. В приемной бросает взгляд на секретаршу:

– Новенькая?

Хорошенькая пухлогубая блондинка встает, неловко оправляет костюм.

– Да... Александра Евгеньевна в отпуске... Она сказала, что вы в курсе... – Слова девушке даются с трудом, словно у нее комок у горле, – Да, я в курсе. Зайдешь через десять минут. Линда мельком бросает взгляд на ровную стопку свежих бумаг на столе. Подходит к стене, открывает дверцу.

Мини-бар. Смешивает себе шоколадный коктейль. Садится в глубокое кресло у стены, прикрывает глаза, рассматривает собственный кабинет. Гладкий полированный стол, еще один – черного дерева. Если отодвинуть панель – там комната отдыха: крошечная сауна, душ, ванна для двоих. И спальня... Такая, что ханжам и не снилась.

Линда делает еще глоток. Нет, спиртное не расслабляет. Раздражение... напряжение... Возвращается к столу, садится. Улыбается своим мыслям. Она знает, что ей сейчас нужно.

– Новенькая?

– Да?

– Жду тебя через минуту. Ты умеешь стенографировать?

– Да.

Линда отпускает кнопку селектора.

Девушка входит, плотно прикрывает за собой дверь, замирает перед столом.

Линда нажимает кнопку под крышкой стола, – замок двери беззвучно запирается.

Девушка стоит с блокнотом и карандашом в руке. Линда медленно рассматривает ее с головы до ног. Произносит с улыбкой, еле слышно:

– Как зовут?

– Александра... Саша.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

Линда прикрывает глаза, крылья носа трепещут.

– Сними одежду.

– Что?

– Раздевайся. Совсем.

Девушка покраснела – щеки, лоб, шея.

– Зачем? – едва выдохнула она.

– Я так хочу.

– Вы же сказали, что нужно стено...

– Это подождет. – Линда кладет на блестящую поверхность стола запечатанный целлофановый пакет:

– Мне предложили партию французского белья. Хочу, чтобы ты примерила. Мне нужно видеть, как это смотрится.

Линда произносит это с мягкой улыбкой. Девушка перевела дыхание.

– Хорошо. – Подняла руки, начала расстегивать блузку.

– Отодвинь среднюю створку шкафа. Это зеркало.

Зеркало – огромное, подсвеченное невидимыми матовыми светильниками. Девушка разделась перед ним донага. Распечатала пакет, надела коротенькую, до пупа, маечку, белые гольфы. Больше в пакете ничего нет.

– Надень туфельки и пройдишь, – приказала Линда, Она нажала еще какую-то кнопку, – в комнате зазвучали мерные удары метронома.

– Умница. Ты умеешь ходить. Училась?

– Три года назад, на курсах манекенщиц.

– Белье тебе идет. Девочка-недотрога... Ты мне нравишься. Подойди к столу.

Линда встает из-за стола. Оказалось – одежда на ней только сверху: блузка, жакет. И больше ничего. Только короткие черные сапожки.

– А я тебе нравлюсь?

Подходит к девушке, в одной руке у нее стек, в другой – ремешок с ошейником.

Саша застывает на месте. Шепчет одними губами:

– Нет... Пожалуйста... Нет... Стучит метроном. Гулко, громко.

– Да. Я этого хочу.

Ошейник со щелчком замкнулся на шее девушки. Линда прислонилась ягодицами к столу, широко расставила, ноги. Резко дернула за поводок:

– Ну! На колени! Я жду!

Девушка опустилась на колени, подняла заплаканное лицо:

– Я никогда этого не делала...

– Что-то всегда происходит впервые, – усмехнулась Линда, жестко притянула девушку за волосы, откинулась чуть назад, прикрыв глаза, покусывая губы.

– Да... Вот так... Да...

Саша плачет, уткнувшись лицом в подушку. На ягодицах и спине красные полосы – следы ударов стеклом или узкой плетью. Рядом – искусственный член. Линда расслабленно сидит в кресле напротив, курит сигарету.

– Сегодня ты свободна. Завтра и послезавтра – тоже. А в пятницу придешь в это же время. И принесешь мне букет ивовых прутьев. Тонких, свежих ивовых прутьев...

Линда встает с кресла, бросает на кровать рядом с девушкой пять стодолларовых банкнотов.

– Ты мне очень понравилась. Очень. А теперь – одевайся и марш отсюда. Мне нужно работать.

Линда сидит за столом, сосредоточенно разбирая бумаги. Девушка, полностью одетая, подкрашенная, подходит к двери.

– До свидания, – произносит она тихо, словно задаст вопрос.

– В пятницу в десять, – поднимает голову Линда. Лицо ее на мгновение смягчилось. – И не забудь про букет...

Саша вышла из здания офиса. Походка ее неуверенная, а по покрасневшим векам, несмотря на макияж, видно, что она плакала.

За ней из машины наблюдает человек – черная шляпа, длинный черный плащ, темные очки. Поднимает трубку радиотелефона, набирает номер.

В кабинете Линды мелодично запел зуммер. Поднимает трубку.

– Ты?! Надо же, пропажа!.. Рада? Да я просто счастлива... Сейчас? Прямо сейчас?.. – Щеки Линды порозовели, она облизнула губы. Голос ее чуть сел от волнения:

– Ну конечно, раз ты хочешь... Пять минут... Я просто отменю встречу.

Я от тебя без ума, ты же знаешь!..

Линда кладет трубку. Набирает номер.

– Что с «Юнион трек»? Не надо оправдываться. Я это предвидела. Хорошо, еще сутки. Но – ровно сутки. Если не будет сделано, можете считать себя свободными.

От работы? И от жизни тоже! – Линда нажимает отбой, вскакивает из-за стола, бежит к зеркалу, вытряхивает сумочку – хватает лихорадочно и помаду, и щетку для волос. Глаза ее блестят, крылья тонкого носа раздуваются в предвкушении небывалого наслаждения...

Линда стремительно выходит из здания фирмы, проходит полквартала, сворачивает в переулочек – узкий, нежилой. Только два металлических контейнера для мусора. В конце переулка – «БМВ». Рядом с машиной стоит человек – длинный черный плащ, широкая шляпа, очки.

Женщина замедляет шаг, дышит взволнованно.

– У тебя сегодня такой необычный наряд... Это так сексуально... Мы поедем куда-то?.. Или... Хочешь прямо здесь?.. Я без ума от тебя... Я хочу тебя...

Может, ты хочешь поиграть... В похищение?.. В изнасилование?.. Я сделаю все, что ты хочешь... Здесь, сейчас... На мне нет ни колготок, ни трусиков... Что у тебя под плащом?.. Я забыла тебя, я хочу посмотреть... – Линда шаг за шагом приближается к человеку в плаще.

Человек медленно вытягивает руку из кармана. Кисть белая, тонкая, изящная.

В ней зажат пистолет. Тупое рыло глушителя направлено Линде в грудь.

– Я немножко боюсь... Меня это возбуждает... Ты хочешь этим?.. Ну, пожалуйста, распахни плащ... Я хочу увидеть твоё тело... Если не позволишь, я даже не буду касаться его...

Палец медленно ведет «собачку». Линда встречается с человеком взглядом.

Желание и изумление в ее глазах сменяются ужасом.

– Нет... Пожалуйста... Нет... Пистолет подпрыгнул в белой руке. Еще. Еще.

Линда медленно сползает по металлической стенке контейнера. Глаза ее открыты.

Она мертва.

* * *

Толстый Ли спокоен и величествен. Очки в металлической оправе, кажется, вросли в плоское лицо, всегда брезгливо опущенные уголки рта и тяжелая невозмутимость укрупненных толстыми линзами глаз делают его похожим на большого партийного бонзу.

Светлый плащ распахнут, под ним – очень дорогой костюм, белоснежная сорочка, чуть старомодный галстук. Вместе с ним за столом – двое худеньких вьетнамцев, похожих на подростков. Высокие белые кроссовки, теплые батники, пуловеры, длинные плащи-реглан. Но, как это бывает с восточными людьми, одетыми по-европейски, все кажется надетым с чужого плеча, ношеным, не очень чистым – словно эти люди и спят так, не раздеваясь.

Толстый Ли не спеша прихлебывает из пузатого бокала. Нельзя сказать, что коньяк ему особенно нравится. Как и этот варварский кабац, где люди не умеют насладиться ни едой, ни питьем. Спешат, спешат... Европейцам все время нужно чего-то достигать, жить они не успевают. Такой мудростью – жить – обладают только восточные люди. Познавшие путь Дао.

Толстый Ли – китаец. Но родился во Вьетнаме, и ему приходилось это скрывать. Скрывать свое восхищение Поднебесной – что может быть горше?... Но Толстый Ли из этого извлекал наслаждение, особое, вряд ли понятное европейским варварам.

Он отхлебнул из бокала. Посмаковал губами. Ли не любил выпивку, но коньяк помогал скрывать брезгливость. И к этим двум глупым вьетнамцам, и ко всем окружающим.

Нгуен и Джу. Это его люди. Особо доверенные. Обоим немного за двадцать, но под мальчишеской внешностью скрыты драконьи зубы. Оба смелы, беспощадны и необычайно жестоки. В пытках, какие они применяли, врагов ломала даже не боль, а та виртуозная, изощренная жестокость, которой их жертвы не могли постичь. Притом ни Нгуен, ни Джу не принимали наркотиков, не употребляли алкоголя – им просто нравилось то, что они делали.

Этого европейцы не понимали и не могли понять. А Толстый Ли понимал. И использовал. С помощью таких вот ребят он сумел объединить раздробленные группки вьетнамской мафии, сумел справиться со среднеазиатами и сохранить то, что осталось. А потом стал приумножать.

Толстый Ли уважал русских. Ибо только их не мог постичь. Они были странные.

Ли не забыл случай двухгодичной давности. В забегаловке недалеко от общаги, где квартировали вьетнамцы, завсегдатаем был Ваня. Спившийся алкаш, худой, жилистый, с багровым в прожилках лицом. Доедал, что оставалось, допивал, что выставляли, наверное, где-то чего-то приворовывал или подторговывал на «товарке»... Ли удивлялся, как он вообще жил: судя по лицу, от печени, почек, желудка у Вани осталось одно наименование.

Вьетнамцы, заходившие принять стаканчик, к Ване привыкли. Над ним надсмехались, иногда зло, он был на побегушках и на принесушках, его шугали совсем уже глупые черно-рабочие из вьетнамцев, – Ваня только улыбался дурашливо да кланчил допить, что осталось.

А тут однажды затащили вьетнамцы за забегаловку девчонку – местную давалку малолетнюю, какая по неизвестной причине вьетнамцами брезговала и давала только кавказцам с рынка. Ее раздели, заткнули рот пачкой мелких купюр, сначала насиловали по-всякому вшестером, потом зубы повыбивали, чтобы не мешали, и в рот использовали... Веселились вовсю. Разрезвившийся Хитрый Ван зачем-то перебил девчонке пальцы на руках и ногах, а на спине вырезал ножом неприличное русское слово и велел тушью залить – пусть память будет...

О происшествии узнали на следующий день, – ходил участковый, ходили опера, да только для белых вьетнамцы все на одно лицо, да и боялись называть, да и девка та – сама блядь... Она же куда и не заявляла.

Бабы-продавщицы в забегаловке было кормить-поить вьетнамцев напрочь отказались, да им увольнением пригрозили.

А Ваня, как узнал, сидел в уголке и плакал тихо. Пока не напился и не уснул, прямо за столом.

А еще через два дня всех шестерых вьетнамцев, что девку уродовали, нашли в их же общаге, в комнате. Были они просто порублены топором на куски, как говядина.

Боссы насторожились, да на пьяненького Ваню никто не подумал.

А вечером того же дня загорелась общага. То ее крыло, где жили как раз вьетнамцы. Загорелась сразу и споро, да и двери оказались приперты поленцами. По коридору же бродил Ваня с огромным, на длинном древке топором и попросту рубил любого, кто пытался выскочить.

Погибло много. Сам Ваня тоже сгорел.

И ведь девчонка та не была ему ни родственницей, ни блядью – просто никем!

Другой случай тоже удивил Толстого Ли. Было это в кабаке закрытом, дорогом – дорожке не бывает. Запели какую-то тягучую русскую песню, что-то про рошу и журавлей пролетающих, как крутейший авторитет, вор в законе по кличке Гранд, седой, импозантный, умный, вдруг рванул на себе галстук, рубашку, упал головой на стол и заплакал. Да что плакал – рыдал!

Не это удивило. Он ведь действительно оставил на другой день все дела и ушел. В какой-то бедный монастырь. По-настоящему.

Но опять – не это удивило Толстого Ли. А то, что ушедшего отпустили! Он осел в монастыре и жив до сих пор!

Нет, Толстый Ли не мог постичь русских.

Как-то ему рассказали анекдот, видно, времен конфликта на Даманском.

Китайцы начали войну против России. Перешли границу, подошли к городу. Даже не город – городишко замшелый, районный. Вечер, фонари побиты, не горят. Войска окружили райцентр, послали парламентаря. Тот видит одно светлое место – забегаловка, кабак. Заходит. Там человек двадцать мужиков в телогрейках попивают винцо с водочкой. Папиросный дым завис.

– Эй, русские, сдавайтесь! – говорит офицер. – Мы начали войну, город уже окружен. Сдавайтесь!

– И много вас? – спрашивает один.

– О да! Нас – пятьдесят миллионов!

Мужик сокрушенно обхватывает голову руками:

– Бля-я-я... Да где ж мы вас хоронить-то будем?!

Толстый Ли тогда не развеселился. Он тщательно обдумал услышанное.

Он не мог постичь русских. И решил уважать. Чтобы выжить.

Нгуен и Джу ели. Нгуен жевал быстро и тщательно, обсасывая дочиста каждую цыплячью косточку, а покончив, облизывал лоснящиеся грязные пальцы, глазки его мутились сыто, но он тянулся уже за следующим куском. Время от времени он поднимал коротко стриженную голову на тонкой подростковой шейке, заискивающе и преданно улыбался боссу, становясь похожим на беспородную бродячую псинку, и снова метался щенячьими глазками по столу, хватал кусок, хрустел мелкими косточками, вылизывал нежные курячьи хрящики. Джу был поспокойнее, поосновательнее. Он сразу наложил себе полное блюдо и, как только оно начинало пустеть – неторопливо подкладывал еще, оценивая и выбирая лучшие куски.

Обед с боссом, с самим Толстым Ли, был большой честью и означал полное доверие. Босс был один, без телохранителей. Оба знали, что им предстоит дело, очень важное дело, и оба намеревались выполнить его хорошо.

Толстый Ли продолжал брезгливо прихлебывать коньяк. Он знал, каким было детство этих парней, но преодолеть в себе отвращение к их жадной ненасытности не мог. Никакой уважающий себя китаец не стал бы есть так. Вьетнамцы могут.

Ли смаковал коньяк, стараясь скрыть брезгливость. Ради дела можно и потерпеть.

И еще – он получал от процесса тонкое, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Он знал то, о чем эти мальчишки не догадывались: это их последняя еда в жизни.

Толстый Ли пригубил еще коньяку и позволил себе расслабиться. Он просто наблюдал.

Глава 3

Ахмед проснулся оттого, что на него кто-то смотрел. Дышал он так же ровно, словно продолжал видеть сны, но мозг работал уже четко, мышцы тела готовы были исполнить команду. Одним прыжком он сорвался с кровати, плоский метательный нож скользнул с ладони в сторону сидящего в кресле – тот едва успел убрать шею, тяжелое лезвие распороло набивную ткань и глубоко вошло в обшивку кресла.

Ахмед готов был прыгнуть и ударить ногой, но вместо этого выдохнул:

– Шайтан! Жить надоело?!

Человек в кресле побледнел – от смерти его спасло чудо, – но справился с собой, улыбнулся:

– Ахмед, рад, что ты в форме.

Человека звали Низами. Он был хорош собой, тонкие усики аккуратно лежали над нервными, мягко очерченными губами, волосы уложены с гелем, черный шелковый галстук на заказ, роскошный костюм... Да, и глаза семнадцатилетнего поэта-мечтателя: огромные, темно-карие, глубокие. Молодой человек – а ему было слегка за тридцать – действительно знал несколько языков, и восточных, и европейских, был не чужд литературе и время от времени писал поэмы на фарси старинным слогом, подражая великим мастерам.

Низами умел думать. Он был мозгом возглавляемой Ахмедом группировки – большой, многоцелевой, богатой.

Им хорошо работалось вместе. Низами умел думать и общаться. Ахмед имел связи с нужными людьми, был скор, жесток и крепко держал людей в руках.

Он усмехнулся, обернулся полотенцем.

– Был бы в форме, тебя уже не было бы. Низами взял со столика полупустой бокал, втянул носом аромат.

– Возблагодарим за все создателей этого чудесного напитка. Глупца он делает мудрым, сильного – снисходительным, а мудрого – счастливым. Вот только воинов он делает неповоротливыми...

– Вина, другого я и не прошу... Любви, другого я и не прошу... А небеса дадут тебе прощение – Не предлагают, я и не прошу...

Все царства мира – за стакан вина, Всю мудрость книг – за остроту вина, Все почести – за блеск и бархат винный, Всю музыку – за бульканье вина, улыбаясь, продолжил Ахмед. – Ты цитируешь Хайяма? – Низами приподнял тонкие брови.

– Низами, ты никогда не задумывался, почему главный я, а не ты? Тебе следовало бы попасть на «зону» – там получаешь всестороннее образование. Именно – всестороннее.

Сидящий в кресле прикрыл глаза.

– Извини, Ахмед. Если ты сочтешь, что мне это необходимо...

– Именно, если я сочту... – Ахмед неожиданно улыбнулся, подошел к столику, налил коньяк в два чистых фужера, подал один Низами. Тот встал заблаговременно.

– Но пока ты мне нужен здесь. – Ахмед выпил коньяк двумя глотками, дождался, пока Низами допьет свой. – Подожди в гостиной.

Низами поклонился и вышел.

Ахмед подошел к ванной. Оттуда слышались смех, голоса, визг. Он распахнул дверь.

Просторная комната. Выложенный муаровым мрамором бассейн, несколько душей.

Под одним резвились полный мальчик лет одиннадцати и две девчонки немногим его старше. Девочки забавлялись тем, что поочередно пытались вызвать у мальчугана эрекцию. Все обернулись.

– Ахмед, дорогой, скажи им... – Черные волосы мальчика закурчавились от воды, глаза агатовые, рот пухлый... Ахмед сбросил полотенце.

– О, Ахмед. – Обе девочки уставились на него зачарованно.

Ахмед любовался всеми троими. Хорошенький беленький мальчик и две стройненькие загорелые девочки-блондинки... Ахмед прикрыл дверь, вдохнул полной грудью...

Как хорошо жить!

Низами ждал. Он ждал целых полтора часа. Прихлебывая зеленый чай. Перебирая нефритовые четки. Прикрыв глаза. Размышляя.

Двое охранников чуть поодаль смотрели по «видику» триллер. Они ни о чем не думали. В этом и была основная разница между им, Низами, и этими людьми.

Разница, которую Ахмед не мог или не хотел замечать.

Ахмед появился неожиданно – стремительный, готовый к действию. Поверх костюма – пятнистая куртка цвета хаки. Низами знал, что она плотно выложена титановыми пластинами, но по легкости движений Ахмеда определить это было невозможно.

Низами встал, встретил взгляд босса.

– Ну что, они согласны? – спросил тот.

– Нет.

– Тогда – едем. Ты все подготовил?

– Да. Я еду с вами?

– Нет. Ты остаешься.

Две машины – бронированный, сделанный по спецзаказу «мерседес» и большой «форд» – фургон выехали из ворот особняка. Ахмед сидел в первом. Низами проводил их взглядом. Ровно через четыре минуты с лесного проселка на шоссе вырулит еще одна машина и пристроится за этими двумя, выдерживая расстояние в полтора километра. Это как раз то, что нужно.

Низами подумал о двух девчонках, что спали сейчас обнявшись в широкой постели. Однажды, во время вечеринки, хвастаясь, Ахмед приказал им раздеться перед гостями донага и развлекался, наблюдая, как приглашенные поедают девочек глазами. Те же не замечали никого, кроме Ахмеда. И его, Низами, тоже. Ахмед был счастлив...

Низами закрыл глаза, кадык дернулся – он сглотнул судорожно. Терпение.

Теперь – только дожидаться вечера. Вот мальчишка ему не нравится. От него придется избавиться.

Низами перевел дыхание. Ничего. Пусть спят. Пока.

Две машины – с Ахмедом и его людьми – несутся по шоссе на огромной скорости. На расстоянии километра в полтора за ними движется еще одна машина, не приближаясь, но и не отставая. Это «БМВ».

У обочины шоссе двое худеньких вьетнамцев, похожих на подростков, копошатся в моторе потрепанного «москвича». Движения их неторопливы, раздумчивы.

Проезжающий мимо решил бы, что они вовсе не спешат отремонтировать машину: их занимает сам процесс. И подумал бы по привычке: да и куда им спешить, все эти узкоглазые – лоботрясы и лодыри... И вообще, Восток – дело тонкое...

Но видит их только круглолицый мужичок в брезентовых штанах, телогрейке, шапке-ушанке. Он стоит в перелеске, на взгорке, рядом с выдавшим виды «уазиком» и наблюдает за «ремонтниками» в окуляры большого полевого бинокля. Со спины его можно принять и за председателя колхоза на пенсии, и за лесника... Но вот он опускает бинокль, – очки в металлической оправе, кажется, вросли в плоское лицо, а тяжелая невозмутимость укрупненных линзами глаз делает его похожим на большого партийного бонзу. Судя по одежке – впавшего в немилость во время «культурной революции», да так и не прощенного. Или – бежавшего в подмосковные леса.

Две машины появляются на шоссе – дорога там, внизу, и видно их километра за три. Вьетнамцы-работяги несуетливо подходят к багажнику, открывают его, споро набрасывают на плечи длинные, ниже колен, бронежилет ты, каждый вешает на плечо по два гранатомета, берет на перевес пулемет Калашникова – и разбегаются. Один замер за машиной, приладил гранатомет к плечу: когда «мерседес» покажется из-под горы, до него будет метров двадцать. То, что нужно.

Второй пробежал вперед метров сорок и затаился в неглубоком кювете.

«Мерседес» выкатывает на огромной скорости. На переднем сиденье, рядом с шофером, человек в пятнистой куртке цвета хаки.

Пом! – ухает гранатомет, словно из бутылки выдернули пробку в пустой комнате, доля секунды – и взрыв, – машина превратилась в сплошной летящий факел.

Едущий следом большой фургон стопорнулся, из распахнутой двери выпадают боевики...

Пом! Машина взрывается и рассыпается в воздухе на части. Выскочить успели трое или четверо. Они приникли к земле на миг, но почти сразу открыли огонь – наугад. Один из вьетнамцев, тот, что в кювете, ввязывается в перестрелку, другой рывком перебегает через дорогу – боевики не видят его за пламенем, – спокойно и хладнокровно приближается и нажимает спусковой крючок. Пулемет работал, пока не опустел магазин. Боевики тоже в бронежилетах, но Нгуен стрелял до тех пор, пока не только их головы, но и ноги не превратились в сплошное месиво. На лице его улыбка.

Из кювета поднимается и шагает к нему Джу. Он тоже улыбается. Они хорошо выполнили поручение Толстого Ли. Даже очень хорошо. Их ждет награда.

«БМВ» появляется неожиданно, резко тормозит и становится боком. Из окна торчит ствол пулемета. Тяжелые пули сбрасывают Нгуена с шоссе в кювет. Джу успел лишь повернуться и развернуть ствол. Пуля попала в лицо... еще... голова маленького Джу разлетелась на части.

Пулемет умолкает. Дверца машины открывается, оттуда неторопливо вылезает массивный верзила с укороченным «акаэмом» в руке. Рядом с громадной тушей автомат выглядит, как пистолет.

– Ну что, все? – кричит кто-то из машины.

– Вроде да... Надо на первого китаеза глянуть. Мало ли...

– Да он не красивее этого... Я в него пять пуль вогнал, как в копеечку.

– Не помешает... Для порядку.

– Ну если только для порядку...

Тонкий нож со свистом рассекает воздух и врезается верзиле в горло. Длинный клинок пробил шею насквозь, кровь пузырится розовой пеной... Бандит хрипит, медленно оседает на колени и падает лицом в асфальт.

– Коля, чего это ты... – начал было его дружок из машины...

Пом! – Нгуен нажал спуск второго гранатомета. Снаряд раскол машину надвое и взорвался огненным клубом. Нгуен обессиленно ткнулся лицом в щебенку.

С трудом стягивает бронежилет, рубашку – тело в кровоподтеках. Рука перебита у плеча, правая нога – выше колена. Полуползком он движется вниз с дороги и еще метров пятьдесят – до ближнего перелеска. Там, укрытые лапником, два мотоцикла. Там – жизнь.

За маленьким человечком тянется длинный кровавый след. На лице его – гримаса невыносимой боли, так похожая на недавнюю улыбку.

Нгуен добрался до мотоцикла, сбросил лапник, кое-как здоровой рукой запустил стартер. Затем на сиденье, приник к рулю. Глаза его белы от боли, гримаса застыла судорожно, превратившись в страшный, звериный оскал.

Это лицо видит Толстый Ли сквозь прорезь оптического прицела. Медленно опускает ствол ниже. Нажимает курок.

Бензобак взрывается, охваченное пламенем тело падает навзничь, дергается в судороге и замирает.

«Самое постыдное для восточного человека – потерять лицо», – размышляет Толстый Ли, укладывая винтовку в футляр. Укоризненно качает головой. Ну да вьетнамцы – это почти варвары...

Уж он-то знает.

Окидывает взглядом шоссе: горящие остовы машин, трупы... Толстый Ли вздыхает.

Огонь. Всюду – огонь.

Низами сидит в кресле, прихлебывает из пиалы чай. Время течет медленно, очень медленно. Но он умеет ждать.

* * *

«Боинг-747». Салон первого класса. Здесь немногочленно – всего двенадцать человек. Самолет делает небольшой крен вправо, на лице полного пожилого джентльмена – страдальческое выражение. Лицо сереет, губы болезненно кривятся.

* * *

Нажимает кнопку вызова стюардессы. Та появляется незамедлительно.

– Вам нехорошо, сэр?

– А вам – хорошо?

Стюардесса, с сочувственной улыбкой:

– Я принесу вам аспирин.

– Нет. Не нужно. Вы давно летаете?

– Уже четыре года. Мне нравится, – пожимает девушка плечами. Обаятельная улыбка...

Ей очень идет, и она это знает.

Самолет снова делает крен, теперь уже на левый борт, – лицо джентльмена снова сереет, он снова морщится.

– Как это может нравиться..

– Я принесу вам что-нибудь. Бренди, виски?..

– Шотландское, пожалуйста, тройную порцию, без льда.

– Охлажденное?

– Да.

Девушка скрылась в служебном помещении.

– Тройное виски? Ого, у нас что там, алкоголик проснулся? – спрашивает ее подруга.

– Да нет. Пожилой человек, полный. По-моему, смертельно боится летать.

– Такие случаются.

– Еще бы. Ну да этот хоть не нытик. Если и переживает, то молча.

– И не говори. Я за девять лет насмотрелась. У всех разная реакция. Это от темперамента зависит.

– И еще – от воспитания.

– Это точно. Один молча спиртным накачивается, другой сам себе анекдоты скабрзные рассказывает и гогочет на весь салон, третий – изводит вызовами, болтает всякую чушь... А то есть – схватит за руку так, что не вырваться, а сам руку под юбку... Не будешь же орать на весь салон. Шепчешь ему – сэр, сэр, – а он такой же сэр, как мой предок – япон-

ский император!.. У меня, когда из Сингапура летели, один такой попался, на руке потом синяки неделю не сходили...

– Это он с перепугу.

– Ладно, беги к дедунчику, а то окочурится, пока выпивки дождется. Этот-то хоть тихий?

– Тихий.

Стюардесса поставила бокал на поднос, добавила пакетик орешков, вышла.

– Ваше виски, сэр.

– Спасибо. Вы не присядете рядом?

– Мне не положено...

– Пожалуйста, ненадолго.

– Ну хорошо.

– Хотите сигарету?

– Спасибо, нет.

* * *

Мужчина отхлебнул большой глоток.

– Извините меня... Просто посидите немного. – Он сделал еще глоток. В глазах его застыло странное выражение, словно он вдруг сразу стал близоруким. – Вы знаете, мне по работе приходится много летать... Естественно, меньше, чем вам... И каждый раз – как наваждение... Как сумасшествие какое-то. – Мужчина надолго умолк, глядя в одну точку.

– Сэр?

– О, извините. Вы не подумайте, я не трус... Мне и раньше приходилось много летать, и ничего подобного я не испытывал... Вот только последний год... Вернее – последние семь месяцев... Вы знаете, каждый раз, когда я вхожу в самолет, мне кажется, что это мой последний полет... Вот и сейчас я это чувствую...

Он поставил опустевший стакан на столик.

– Не стоит так беспокоиться, сэр. Наша авиакомпания...

– Да прекратите, прекратите! – перебил он раздраженно. – Знаю я все эти рекламные штучки... Но вы только подумайте, представьте: самолет падает и ни у кого, ни у единого человека нет ни малейшего шанса спастись, ни малейшего...

– Уверю вас, сэр, все будет хорошо. Самолеты нашей авиа...

– Да знаю я! Предполетная проверка надежности и пр чая подобная ахинея!..

Ни малейшего шанса спастись... Глаза его снова потерянно смотрят в пустоту.

– Принести еще виски, сэр?

– Нет. Вы же видите, мне только хуже.

– Может, вызвать доктора?

– У вас что, на борту психоаналитик?

– Знаете, сэр...

– Зовите меня Майкл.

– Хорошо, сэ...

– Майкл!

– Хорошо, Майкл. Я давно летаю, и я не боюсь. Посмотрите на меня. Вы же видите, что я не боюсь.

– Что, совсем?

– Абсолютно.

– Может, вы летите на другом борту...

– Простите?..

– Это я так. Фигурально.

Мужчина поднял ладони, прикрыл ими лицо. Опустил, посмотрел на девушку, попытался улыбнуться:

– Как вас зовут?

– Кристина.

– Поверьте, Кристина... Я не трус. Я совсем не трус. Просто, знаете ли, предчувствие...

– Может быть, вы слишком много работаете?.. И вам уже не стоит так много летать?..

– Может быть.

– Принести вам еще виски, сэр?

– Прошу вас, Кристина, называйте меня Майкл.

– Хорошо, Майкл. Принести вам виски, Майкл?

– Да, пожалуйста. Извините меня, Кристина... Мужчина быстрым незаметным движением расстегнул браслет, вложил ей в руку часы. Притянул к себе, шепнул на ухо:

– Это – вам. На память.

– О нет! – произнесла одними губами девушка. Даже быстрого взгляда ей хватило, чтобы понять – это «Ро-лекс». Настоящий «Ролекс». Платина, каждый знак-час циферблата отмечен бриллиантом...

– Я прошу вас, Кристина...

– Нет.

Похоже, в самолетах у этих дребнущих миллионеров крыша течет по полной программе...

– Тогда... Тогда пусть они побудут у вас... хоть какое-то время... До конца полета... Вы можете сделать мне это одолжение?..

– Да, но почему?..

– Они показывают не мое время... – Взгляд мужчины снова застыл, как неживой. – На земле мое, а в воздухе не мое... Вы понимаете?.. – Мужчина смотрит девушке прямо в глаза, требовательно и строго.

– Понимаю. – Девушка опустила ресницы. – Вам принести виски, сэр?

– Майкл...

– Извините, Майкл.

– Да, пожалуйста.

– Тройное шотландское, без льда?

– Тройное шотландское, без льда. – Мужчина сжал кулачок девушки, в котором скрылись часы с браслетом, и заговорщицки подмигнул.

Девушка быстро приготовила напиток, отнесла. Мужчина сухо поблагодарил кивком.

– Ну что неврастеник? – спросила подруга. Кристина молча плеснула себе виски, выпила глотком, не разбавляя.

– Хуже. Он – сумасшедший. Или стал им на время полета.

– То-то я гляжу, вы там ворковали, как голубки.

– Анжелка, прекрати. Лучше посмотри на это... – Девушка разжала кулачок, на полированной поверхности стола засверкали часы.

– Ну и ну... «Ролекс»... Можно посмотреть? – Ангела бережно взяла часы, приложила к руке. Вдохнула.

– Десять тысяч баксов. Одной монетой. – Взглянула с любопытством на подругу:

– Ты что, предложила ему минет на год вперед? Или – пожизненно?

– Дура ты. Это он на сохран оставил.

– Он что, псих?

– А я тебе разве не сказала? Он, видите ли, уверен, что самолет наш рухнет, потому как этот будильник в воздухе! показывает не его время, а только на земле – его. Усекла?

– Угу.

– Вот и я тоже.

– Слушай, а может, это бомба?

– В голове у него бомба, причем часовая. Ты лучше! скажи, что мне с этим делать?

Может, командиру сообщим?

– Сообщи. Хочешь, я сразу скажу, что придет в его седую многомудрую?

– Сама знаю. Но ты представь, что будет, если у этого психа, он сказал, его зовут Майкл, крыша въедет на место, но не с той стороны? Возьмет и заявит, что я сняла с него этот браслет? Попросту – украла!

– Держи. – Анжела взяла пластиковый пакет, бросила туда часы с браслетом.

Придвинула бумагу, ручку:

– Пиши: «Мне, Кристине Ковальской, в такое-то, такое-то время переданы господином таким-то часы „Ролекс“ браслетом...»

Кристина лихорадочно застрочила по бумаге. Подняла голову.

– Слушай, а почему я их взяла?

– Это ты меня спрашиваешь?

– Да нет, что писать?

– Ну, клиент находился в состоянии... э-э... душевного смятения, и с ним трудно было спорить...

– Псих, короче.

– Во-во, псих. Только это не пиши... Ну и – время, подпись... Если хочешь, я тоже подпишу...

Девушка старательно выводит буквы. Поднимает, на миг голову.

– А ты знаешь, он ничего... Симпатичный. И, по-моему, добрый.

– Еще бы не добрый. Десять кусков на руке носить! Пиши!

Молодой человек, который спал в том же салоне первого класса с самого отлета из Нью-Йорка, открыл глаза. Встал, пошел в хвост, в туалет.

Пожилой джентльмен по-прежнему сидел в том же кресле у прохода, подальше от иллюминатора, опустив голову на руку. Возможно, виски помогло.

Возвращаясь обратно мимо пожилого джентльмена, молодой человек ступил неловко, чуть покачнувшись, рука его опустилась пожилому на шею. Коснулась едва-едва. Спина Майкла на мгновение напряглась и тут же обмякла. Голова бессильно упала на грудь.

– Извините, сэр. Я так неловок...

Молодой человек занял свое место, укутал ноги пледом и пять минут спустя снова спал. Того, как его правая рука опустилась под пледом и утопила тонкую микроскопическую иголочку в мягкий ворс ковра, заметить никто не мог.

– Слушай, Кристина, а как там твой псих?

– Да он вовсе не псих. Знаешь, так бывает. По-моему, заснул. Виски, наверное, помогло.

Посмотри сама.

– Точно. Спит. Как убитый.

Глава 4

Мелодично пропел телефонный звонок. Низами снял трубку. Ему сказали только одно слово. Он улыбнулся едва заметно, погладил тонкие усы. Он умел ждать. Его время пришло.

Он подошел к небольшому секретеру, выдвинул ящик. Из глубины достал тяжелую желтую деревянную кобуру. Нажал кнопку, крышка откинулась. Вынул маузер, любовно погладил ствол. Взвел курок.

Подошел к комнате охранников. Оттуда доносились охи-вздохи, – дебилы развлекались порнушкой. Низами толкнул дверь.

Выстрелы грохотали, пока в магазине не кончились патроны. Первых двоих он уложил двумя пулями сразу, в голову, третьего – двумя в грудь. Но какая-то сила заставляла его нажимать курок раз за разом.

Низами понял – ему просто приятно. Вот это и есть ощущение власти – настоящей власти.

Ахмеда больше нет. Через час прибудут люди. Его люди, Низами. И он решит, что делать дальше. Хотя это ясно и так: либо все люди Ахмеда станут его людьми, либо их не станет.

Ноздри Низами раздулись; Жаль, что Ахмед умер так скоро. Очень жаль. Так и не расплатился за все унижения, которые нанес он, червь навозный, ему, потомку эмиров. Вот так и велит себя называть: Эмир.

Низами не боялся мести авторитетов: они сильны, но считаются с силой. Когда они поймут, что он, теперь уже Эмир, держит в руках не только все бывшие связи Ахмеда и его бывших людей, но и много, много больше, им придется признать его.

Или – умереть.

Ни в какие воровские чести и прочие игры Низами не верил. Эти люди опирались только на силу, только ее уважали. Он покажет им свою силу.

Так, маузер снова заряжен. Не одно десятилетие пролежал он в промасленном тряпье, замурованный в стену старого сарая. Рядом с бесценной дамасской саблей.

Теперь – их время.

Теперь его время. Время Эмира.

Особняк пуст. У ворот – его человек. Скоро приедут другие. А с ними дела. И их нужно решать быстро и жестко. Кто знает, сколько это займет, – сутки, трое, неделю? Низами давно занимался этим бизнесом и понимал, что, несмотря на расчеты, все может пойти кувырком или застопориться из-за нелепой случайности.

Но главное сделано: Ахмеда больше нет. И всем придется исходить из этой новой реальности. И из того, что все концы, все связи, вся сила теперь в руках Низами. Насколько эти руки тверды и безжалостны, узнают уже сегодня.

Он подошел к секретеру, открыл другой ящик, деревянную инкрустированную шка-тулку. Вынул набитую папироску, прикурил, глубоко затянулся, задержав сладковатый дым в легких. Комната словно стала шире, ярче, новыми красками заиграли блики света на мебели, на хрустале люстр, на узоре ковров.

Теперь все здесь принадлежит ему. Ему одному.

Он затянулся еще раз, глубже, чувствуя, как сила, энергия наполняют тело, мозг. Все проблемы показались вдруг мелкими и ничтожными, он с ними справится, легко справится. А сейчас...

Он знал, что ему нужно сейчас. Он долго ждал.

Низами неспешно переоделся в роскошный восточный халат, подошел к дверям одной из спален, распахнул. Девочки спали на огромной широкой кровати обнявшись, мальчик

– в другом конце кровати, спиной к ним. Низами схватил мальчишку за ухо, дернул, тот вскрикнул, открыл глаза.

– Пошел вон, живо!

Мальчик, недоуменно глядя на него, захлопал длинными черными ресницами, в глазах показались слезы.

– А где Ахмед?

Коротко, без замаха, Низами ударил мальчика в переносицу. Кровь крупными каплями падала на рубашку. Низами ударил снова.

– У-У-у! – заревел мальчишка.

– Вон! – И тот пулей вылетел из спальни. Одна из девочек проснулась, открыла глаза. Низами рывком сбросил одеяло – на девчонках не оказалось ничего, кроме коротеньких маечек. Молча, не двигаясь, Низами любовался ими. Потом медленно развязал пояс и сбросил халат. Крылья тонкого, с горбинкой, носа затрепетали, зрачки расширились. Девчонки забили в угол кровати, прикрываясь ладошками; смотрели на мужчину широко раскрытыми глазами.

– Зачем вы пришли... Где Ахмед?..

– Ахмед умер. Теперь ваш хозяин я! Вы поняли – я!

– Ахмед тебя убьет, – тихо и просто сказала одна из девочек.

Низами неожиданно стало весело – сначала улыбка растянула губы, и вот он уже хохотал, запрокинув голову... Смех оборвался неожиданно. Лицо стало твердым, жестким.

– Покойники не могут убивать. – Неожиданно быстро он бросил свое тело вперед, схватил обеих девочек за волосы, притянул к себе, лицом к лицу:

– Теперь ваш хозяин я! Называйте меня Эмир. Вы поняли? Эмир! Повторите!

– Эмир... – Лица девочек напряглись от боли.

– Кто я?

– Вы – наш хозяин... – Из глаз покатались слезинки.

– Умницы... А теперь я хочу, чтобы вы любили меня. – Не выпуская волос из рук, он притянул лицо одной из девочек к своему и впился в губы. Голову другой потянул вниз...

Охранник откровенно скучал у ворот особняка. И еще – завидовал. Он хорошо изучил своего господина и отлично представлял, чем тот теперь занят... Он закрыл глаза, чмокнул губами... Вдохнул. На его долю оставалась скука... И – зависть.

Это было последнее сильное чувство в его жизни. Широкий обоюдоострый нож, брошенный с огромной силой, не только проткнул горло, но и перерубил шейные позвонки, почти отделив голову от туловища.

Нет, Низами не спешил. Теперь эти девчонки – его. Только его. Он не спешил наслаждаться любовью – он только начал наслаждаться властью...

Девочки лежали, одна на животе, другая на спине, привязанные за руки и ноги шнуром к краям постели. Юные, гибкие, беспомощные девочки... Его девочки...

Низами извлек из кармана халата свернутую папироску, чиркнул кремнем зажигалки, затянулся сладким дымом. Зрачки снова расширились, он замер, глядя на пламя. Потом хихикнул и медленно начал подносить огонь к мизинцу связанной девочки...

* * *

– Леди и джентльмены! Через несколько минут наш лайнер совершит посадку в аэропорту Шереметьево-2. Прошу вас сесть и пристегнуть ремни...

Пожилой господин, который представился Майклом", продолжил сидеть, безвольно уронив голову на грудь. Ох уж эти американцы! И выпил-то немного...

Хотя в его возрасте...

– Сэр... Просыпайтесь... Мы уже прилетели... Сэр... Прошу вас, пристегните ремни... Разрешите вам помочь?

Кристина мягко тронула мужчину за плечо. Он неловко повалился набок.

– Сэр?!

Девушка касается его лица и сразу отдергивает руку. Спешит в служебное помещение.

«Господа пассажиры! Если среди вас есть врач, командир экипажа просит его пройти в салон первого класса», – раздаётся из мониторов.

– Я врач! Кто больной? – Высокий худощавый старик в клетчатой ковбойке, шляпе, ботинках на каблуках, джинсах. Его коричневое дубленое лицо лучится добродушными морщинками, длинные желтые зубы – видно, что свои, а не фарфоровые, – весело оскалены. Старик явно под парами.

– Джон Браун, далласский медицинский центр, – представляется он. Кристина подводит его к неловко лежащему на боку человеку. Врач приподнимает веко, пробует найти пульс.

– Я вас разочарую, милая девушка. Это не джентльмен. Это просто труп.

– Как!.. Он что, умер?

Доктор ухмыляется – он или имеет склонность к черному юмору или выпил лишнего во время утомительного полета.

– Красавица, труп не может умереть, дальше уже некуда.

– Да прекратите! Я имею в виду...

– Ну естественно. Полагаю, перед тем, как стать трупом, это джентльмен скончался. Это очевидно.

– А... От чего?

– Полагаю, острая сердечная недостаточность. – Глаза доктора проясняются, но ненадолго. Но он успевает еще раз внимательно оглядеть покойника. – Да.

Думаю, именно так. В клинике я считаюсь лучшим патологоанатомом.

– Так вы не доктор?

– Отчего же? Успокойтесь, красавица. Лечить его уже не от чего. От смерти не лечат.

– Вы говорите, сердечная недостаточность?

– Да... Острая. С пожилыми полнокровными людьми это случается. И гораздо чаще, чем думаете вы, молодые. – Доктор извлек из заднего кармана плоскую фляжку:

– Прошу...

Кристина отрицательно мотает головой.

– Напрасно. Отменный коньяк. Пока моя старушка не видит.

– Похоже, она не видела ничего в течение этого полета...

– Берите больше, дитя мое: в течение всей нашей совместной жизни! В этом, если угодно, мудрость женщины: не замечать того, чего замечать не следует! Запомните и проживете с мужем до золотой свадьбы! Ручаюсь!

– Если его удар не хватит.

– На все Божья воля.

– Прошу вас, присядьте, уже посадка...

«Боинг» подкатывает к зданию аэропорта. В салон входят люди в белых халатах, представители инстанций быстро и ненавязчиво опрашивают пассажиров, летевших первым классом. Высадка проходит скоро и без осложнений.

Молодой человек из переднего ряда, по документам – генеральный представитель фирмы «Юнион трек» в России, господин Ирвин Ф. Стилберг, вышел одним из последних и направился к автостоянке. Его ждала «вольво».

– Ну что? – Ангела смотрит на подругу. Та вздыхает.

– Похоже, этот ковбой был прав. Доктор тоже определил: судя по всему, острая сердечная недостаточность. Я сказала, что этот господин, Майкл Фемминг, – у него был страх полетов.

– Ну да. У сердечников это обычное дело. Они вечно чего-то боятся: работу потерять, СПИДом заболеть, умереть во сне. Адреналин, что ли, лишний в крови, вот и боятся; я читала в каком-то журнале.

– Тогда у нас вся страна – сердечники.

– Налить? Тебе нужно...

– Давай.

Кристина выпила порцию двумя глотками, позвенела кусочком льда о стенки бокала.

– Анжелка...

– Да?

– А что теперь с часами-то делать?

– Хм...

– Понимаешь, я хотела сказать, но сначала вся эта суматоха с врачами, потом... Потом, я боялась, начнутся дурацкие вопросы: почему да отчего... И вообще... Он же мне их подарил...

– На память...

– Ну да. Получается, я последний человек, с которым он разговаривал...

Может, он просто знал, что умрет, – сердце болело, а он терпел... Налей-ка еще.

– Сердечная недостаточность не приключится?

– Не-а. Я девушка крепкая. Так что с часами делать будем?

– А ничего. Пусть полежат. Я вот тут подумала, Кристинка: если бы мой Серега нашел на дороге бумажник с десятью штуками и отнес его в отделение, как придурок... Что бы я с ним сделала?

– Значит, оставляем?

– А как же! Тут за каждый бакс улыбаться – щеки сводит...

– Ладно. Попролам?

– Не соблазняй. Это же твой профит. Хотя я ведь тоже подставляюсь...

Значит, три штуки из десяти – будет честно.

– Ну ладно. Но мне что-то все равно неспокойно...

– Это от нервов. Давай по маленькой – и смену сдавать.

Ирвин Ф. Стилберг подходит к «вольво». Дверь не заперта, он садится за руль, достает из-под сиденья ключи.

Его профиль – в прорези ночного оптического прицела. Щелчок, голова чуть дернулась и откинулась назад.

К машине подходит человек в длинном черном плаще, черной шляпе, темных очках. Открывает дверцу. Берет с пассажирского сиденья «дипломат» – единственный багаж, с которым прибыл господин Стилберг. Заваливает труп на бок, чтобы машина казалась пустой. Поднимает стекло. Захлопывает дверцу.

Из аэропорта в сторону Москвы мчится «БМВ». На огромной скорости. За рулем – человек в черной шляпе и темных очках. Даже если было бы светло, разглядеть его лицо нелегко. Трудно даже определить, мужчина это, женщина или подросток.

Глава 5

– Не спеши, – услышал Низами за спиной. Рука с зажигалкой застыла на месте.

Лоб, щеки, спина – все тело мгновенно покрылось липкой холодной испариной.

Низами узнал голос.

– Хлыст, отвяжи девочек и уведи отсюда. Пусть Лейла присмотрит за ними. То, что здесь будет, – не для их глаз.

Низами неловко повернулся на постели, встретился взглядом со стоявшим, прошептал посеребрившими губами:

– Ахмед...

Хлыст – здоровенный мужчина, Иван Хлыстов, телохранитель Ахмеда и начальник его «тайного приказа» – перерезал шнур, каким были связаны девочки, глянул быстро на Низами – у того кожа на спине стала «гусиной», плечи и руки пробила судорога и смертельно захотелось помочиться. Острая, как ожог, боль пронзила спину.

– Гад!.. – Одна из девочек пантерой бросилась на «экс-эмира», сдирая острыми коготками полоски кожи со спины, Хлыст спокойно и заботливо подхватил девчонку под мышку, другую – могучей ладонью под живот, слов-но щенка или котенка, вынес обеих из комнаты и через мгновение вернулся.

– Хорош красавец, а? – хмыкнул Ахмед. Хлыст усмехнулся в ответ. Недобро усмехнулся. И – очень спокойно.

Низами потянулся за халатом. Там, в кармане – маленький никелированный браунинг.

Хлыст носком сапога опрокинул стул с халатом на пол.

– Это тебе больше не пригодится. Подошел, больно свел руки за спину, вытолкнул с кровати к дверям:

– Пошли!

В большой гостиной Низами, голого, усадили на массивный ореховый стул спиной к закрытому жалюзи окну, лицом к камину. Поленья горели ровно и мощно. В камине, чуть с краю, стояла жаровня, где накалялись металлические щипцы, штыри, клещи...

Лицо Низами сморщилось, слезы покатались по щекам, он плакал в голос, подвывая тонко, словно попавший в западню шакал...

– Ахмед... Ахмед... – Слова сливались в протяжный, полный смертельного страха вой.

Ахмед подошел и вlepил затрещину громадной пятерней. Вой как обрезало.

Один из охранников поглядел на Ахмеда, тот кивнул, охранник подошел к Низами с полным стаканом водки.

– Пей!

Низами выпил жадно, как воду. Перевел дыхание... А может, его еще не убьют?

Может, Ахмед не знает всего и мстит только за то, что он избил мальчишку и позарился на девок? А кто бы не позарился...

Но почему Ахмед жив, почему? И Хлыст – они же уехали в первой машине, от нее один остов остался, а от людей – пшик, ничего, даже не трупы – обгорелые лохмотья непонятно чего... Непонятно чего?..

– Ахмед, дорогой, что ты собираешься?.. Просто, как только пришло известие о том, что ты попал в засаду... Эти охранники, они хотели... Мне пришлось самому с ними разобратся... А девчонок – у тех могла истерика случиться, ну я и... – Низами умолк на полуслове, сам вдруг поняв, что несет полную ахинею... Страх, ужас, похожий на неотвязный ночной кошмар, овладел его телом, мозгом, – он не мог ни думать, ни говорить. Только предощущение дикой, нечеловеческой боли... В его расширенных зрачках плясали отблески пламени камина – алые язычки в черной глубокой влаге...

– Ты знаешь, Низами, я всегда был уверен, что предашь именно ты. Я не знал кому, я не знал когда, но в главном – даже не сомневался. А когда ты начал создавать свой мост из Азии через Москву на Запад, когда на чал потихоньку оттеснять старых и ставить своих людей, я понял – скоро. И не мешал тебе. Дел у меня, ты знаешь... А лишняя «линейка» под рукой всегда пригодится.

– Ахмед...

– Заткнись! Я говорю. Ты вот мнишь себя умницей, а главного не учел: нашим растительным наркотикам без хорошей переработки – грош цена... Я понимаю, тебе прежде всего нужно было убрать меня, взять дело в руки... Как будто тебе его кто-то отдаст...

Пока ты копошился – я не мешал. От твоих действий тоже прибыль, это лучше, чем ничего. Но главного ты не углядел, умник: будущее за синтетическими наркотиками! Они круче забирают, они много дешевле, их легче транспортировать. И заниматься этим можно только там, где есть аппаратура, – в НИИ, в крупных городах... Вот этим я и занимался. Мою активность заметили. И активизировали тебя, чтобы от меня избавиться. Если бы это даже удалось, ты вряд ли бы прожил много больше. Хотя больше – это лучше, чем ничего.

Ахмед засмеялся, но в его смехе не было ничего веселого.

– А сейчас тобой займутся люди Хлыста... Двое подошли сзади, связали руки за спиной стула, ноги прикрутили к ножкам.

– Ахмед, я прошу тебя, я прошу... Я все расскажу, только не нужно так, пожалуйста... Я сам все расскажу...

– Рассказывай, слушаю. Ребята заняты приготовлениями, они не мешают ни мне, ни тебе. Пустячок, а мне приятно. Да, может, тебе интересно, как мы с Хлыстом целы остались? Чутье, милый, чутье. Оно с годами обретается, а у Хозяина – год за три может пойти... А то и за пять. Мы просто вышли у леска, да обратно – по старинке, пешочком...

– Ахмед! – высоко, надрывно взвыл Низами. Подручные Хлыста деловито взяли инструменты..

– Ах, это... – усмехнулся Ахмед. – Мне нужно, чтобы ты вспомнил все, даже то, чего не было! – Он обернулся к Хлысту, бросил коротко:

– Начинайте!

* * *

Человек неторопливо собрал снайперскую винтовку. Готово. Гладит, любуется оружием.

Темнеет. Окна особняка светятся, но плотно зашторены жалюзи. Человек устанавливает инфракрасный прицел.

Неясные мерцающие фигуры. Прицельная рамка перемещается поочередно от одной к другой, пока в ней не застывает голова сидящего на стуле. Две другие фигуры наклонились, и их инфракрасные изображения – всех троих – слились. Это мешает снайперу.

Но вот фигуры отделились. К сидящему движется одна – в руках ее что-то очень горячее, то, что красит все изображение, размывает его. Но снайпер не обращает на это внимания: в прицеле четко зафиксирована голова сидящего. Длинный изящный палец медленно ведет «собачку». Щелчок, и голова в прорези прицела вспыхивает ярко-алым.

Снайпер любовно гладит оружие и тут же начинает разбирать его опытными руками. Пальцы, кисти рук не просто тонки – изящны.

Щелчок звонко отозвался в комнате. Реакция Ахмеда, Хлыста, остальных – мгновенна: с оружием наизготовку они – кто на полу, кто – скрывшись за массивной старинной мебелью. Взгляды устремлены на окно.

– Шайтан! – Ахмед понял все первым. – Ушел! – И смотрит на привязанного Низами. Пуля вошла в затылок, вышла через глазное отверстие. Вторым глазом мертвец уставился на огонь. Пламя играет в безжизненном черном зрачке.

Ахмед сплюнул:

– Шайтан!

Толстый Ли был доволен завершившимся днем. Когда к нему обратились с предложением устранить Ахмеда и его близких, он даже обрадовался. Тем более что устранить нужно было чисто, не оставляя концов. Толстый Ли справился с этим.

Нгуен и Джу были его доверенными людьми, но формально принадлежали к другой группировке. По правде, она была для Ли как мелкая рыбная кость в горле: вреда особенного нет, но саднит. Открытой, войны с ней Ли не хотел, с людьми Ахмеда – тем более. И если люди Ахмеда, а их еще много, очень много, разберутся с этими вьетнамскими выскочками, Ли это будет только на руку.

Но это лишь одна из выгод. Пока ребята будут выяснять отношения, Ли сумеет существенно укрепить позиции своего бизнеса. Это вторая, сопутствующая.

Ну, а главная выгода – человек, который обратился к Ли. Он не стал прятаться за порученцами и функционерами, он обратился лично. Посетовал, что его товарищам мешают неумная алчность и корпоративность сред-неазиатов, и прямо сказал, что с представителем высокой культуры, коей он считает китайскую, дела было бы вести легче и приятнее.

Самого же Толстого Ли приятно удивило знание этим русским ханьской поэзии, живописи, – они поговорили о божественном Тао Юаньмине, о Ду Фу и Ли Бо, об императорах таньской эпохи... Человек этот не готовился специально, он действительно знал и любил Китай. Ли лучился от удовольствия.

И он отчетливо понимал: чтобы жить и вести прибыльный бизнес в этой стране, нужно быть очень полезным именно этим новым русским. Не забывал он и замечательную фразу знаменитого американца – Рокфеллера:

«Дружба, основанная на бизнесе, куда лучше, чем бизнес, основанный на дружбе».

Толстый Ли был доволен прожитым днем, самим собой и жизнью. Сейчас он приедет домой, где его ждут вкусный ужин и ласки маленькой Лу и нежной Лян.

Обеим девочкам нет и двенадцати, но в любви они опытные и искушенные. Для Китая это обычно: замуж выходят в десять-одиннадцать, в четырнадцать незамужняя девушка – уже лежалый товар, перестарка.

Мужчина же в Китае не имеет возраста, если следует пути Дао...

Толстый Ли лакомо почмокал губами. Правда, осталось лишь одно дело, но и то приятное. Нужно просто доложить о выполненном поручении. Именно – доложить.

Персона, поручившая все это Ли, стоит на очень высокой ступеньке. Субординацию Ли уважал.

Впрочем, весь доклад должен состоять лишь из одной дежурной фразы: «Ваш товар упакован».

Ли не ожидал благодарности или денежной компенсации: отношение, вот что важно. Связи с влиятельными людьми в этой стране значили куда больше, чем наличные деньги или сотня боевиков. Как и в Поднебесной.

Толстый Ли остановил машину у телефонной будки. Народу никого – понятно, глубокая ночь.

Ли набрал номер – он не сомневался, что телефон просто контактный, – продиктовал после писка автоответчика нужную фразу. Вот и все. Теперь можно на покой.

Проезжающая мимо иномарка мягко затормозила. Реакция Толстого Ли была мгновенной: он успел выхватить пистолет, повернулся лицом к двери...

Заряд «Моссберга-500» припечатал Ли к стенке кабины. Восемь выстрелов превратили его куртку в труху. Толстый Ли сполз на пол.

Подошли двое парней с дробовиками в руках.

– Он?

– Этого китаеза ни с кем не спутаешь. Уж больно здоровый.

– Был. В нем сейчас свинца, как косточек в арбузе.

– Ладно. Давай за канистрой.

Один из нападавших повернулся, другой полез за сигаретами и зажигалкой.

Пистолет в, казалось, безжизненной руке Толстого Ли дернулся, – парень навзничь рухнул на асфальт: пуля вошла снизу в подбородок.

Три пули ударили в спину отошедшего, – Толстый Ли даже не смотрел, как оседает его тело. Оставшиеся три получил водитель.

Морщась от боли, Ли поднялся на ноги. Покачал головой. Быстро вставил в пистолет новую обойму.

Надо же, как глупо... Выходит, его «вели», – он даже не заметил... Ну да «вести» могли и машину... Если бы не мягкий бронежилет из дюжины слоев кевлара его тело сейчас легче было бы замазать, чем собрать, даже по кускам. «Моссберг»

– оружие ломовое, да ребятишки заряды не те взяли... Кличка – Толстый Ли да и ком-плекция сыграли с ними шутку. Последнюю в их жизни.

Морщась от боли, Ли засмеялся. Это не последняя его шутка. Скоро кое-кто узнает, как он умеет шутить.

Пошатываясь, Ли добрел до своей машины. Открыл дверцу. Осторожно поместил собственное тело на сиденье.

Его смешные очки с толстыми линзами разбились. На напряженном плоском лице не осталось ни тени страха или боли. Оно было спокойно и безмятежно, как посмертная маска.

Ли умел не терять лицо при любых обстоятельствах.

Ли остался жив. Значит, кто-то умрет. И это тоже уже не зависит от обстоятельств. В этом Толстый Ли не сомневался.

Он повернул ключ и запустил стартер.

Человек в «БМВ» наблюдал издали сцену уличной баталии. Он видел и то, как Толстый Ли сумел расправиться с нападавшими, и то, как добрался до машины.

Человек оценил предусмотрительность, смелость и удачливость китайца. Но всякой удаче приходит конец. Особенно в таком ремесле, как у Ли.

Сейчас человек смотрел Толстому Ли в затылок. Через прорезь оптического ночного прицела.

Автомобиль набирал скорость. Теперь – пора.

Палец мягко повел спуск. Щелчок.

Машина катила какое-то время по инерции, затем вдруг вильнула, ткнулась в заграждение и замерла.

Щелчок. Бензин в баке взорвался сразу. Машину приподняло на месте, на секунду она словно превратилась в ослепительный огненный шар и развалилась на части. Ухнул тяжелый вздох взрыва.

Человек опустил винтовку.

Надел темные очки.

Надвинул на глаза шляпу.

«БМВ» лихо развернулся на месте и помчался в сторону центра.

Сзади бушевал огонь. Языки пламени рвались вверх, подпаливая края черного ночного неба.

Звучит мелодичный телефонный зуммер-Высокий плотный мужчина, задремавший в кресле, открыл глаза. Поднял трубку:

– Да? – Не спеша налил в бокал апельсиновый сок. Сделал несколько глотков, продолжая слушать. – Вот как... Да... Да... Вы сообщаете неожиданные вещи... – Слово «неожиданные» он произносит с едва заметной иронией. – Благодарю вас. – И мягко кладет трубку.

Встает, подходит к шкафчику, открывает дверцу, наливает большую рюмку водки из хрустального графина. Подходит к холодильнику, открывает дверцу, достает тарелку моченых яблок. Медленно, со вкусом, выпивает и смачно хрустит яблоком.

Заходит в ванную, зажигает свет, внимательно смотрит на себя в зеркало.

Из кресла он не вставал весь день, но по посеревшим губам, мешкам под глазами видно, как он устал.

В гостиной появляется в халате, растирая голову полотенцем. Наливает еще рюмку, выпивает, закуривает папиросу. Садится у камина. Включает музыку.

От камина идет тепло. Чуть припорошенные пеплом угли светятся густо-малиновым.

Негромко звучит фуга ре-минор Баха. Музыка совершенна, она заполняет собой помещение, не оставляя места ни желаниям, ни суетным мыслям.

Мужчина наслаждается, прикрыв глаза.

И – засыпает.

Глава 6

Москва встретила дождем. И сразу стало понятно, что лето кончилось, мы стали старше – все живущие на этой земле, – но вряд ли взрослее. Странно, так бывало когда-то, еще в школе: мы съезжались после лета, все те же, вроде, но уже другие, и казались себе очень взрослыми и познавшими многое, – и вдруг оказывалось, что совершаем снова и снова глупые, наивные поступки, продолжаем говорить пустые слова, мечтать о важном и несбыточном...

А дождь идет уже четвертый день. И очень хочется сесть в самолет и махнуть к самому Средиземному из всех морей, заплывать на середину – и балдеть! Пижонство, конечно, но хочется.

А вообще-то, и осень и дождь естественны и необходимы каждому хотя бы затем, чтобы задуматься над самым обыденным вопросом: зачем ты? Да, и еще нужно уединение. Чего-чего, а последнего у меня навалом... Уединения, плавно переходящего в одиночество...

Все просто. Каждому нужно ощутить, сынтуичить – зачем и почему он родился именно здесь и именно теперь, понять, в чем его долг перед Богом и людьми, и поступать соответственно. Чего же проще. В Москве я уже второй месяц. И сейчас мне здесь лучше, чем где бы то ни было. Здесь тоже все просто: я очень люблю этот город и его людей.

Кто-то считает Москву суетной, кто-то – неаристократично-деревенской, кто-то – заманной и равнодушной. Все это не так. Чтобы понять этот город, как и любой другой, здесь нужно жить. И тогда эта огромная, неприветливая на первый взгляд машина обернется вдруг уютom, чистотой и неспешностью небольших дворишков, очарованием старинных особнячков, стиснутых со всех сторон «коробками» поздних времен, а потому незаметных и неброских, бесконечно добрыми разговорами за чаем или за рюмочкой, за полночь, до усталой сердечной приязни.

Да, в Москве еще ходят в гости без повода и предупреждения, с ночевкою – концы длинные, разговоры неспешные. Американцы или западники могут сколько угодно обвинять нас в том, что много говорим и мало делаем, что говорим общо и обо всем, а не только о деньгах, сексе и футболе, – все это муть. Просто русскому человеку для делания дел суетных, повседневных необходим порядок в душе, чувство гармонии не только с начальником на службе и боссом в офисе, но и со страной, с народом, с миром, с Богом.

Да и только ли русскому? Просто у нас все это непосредственней, бесхитростней, проще. Нет мира в душе, нет в ней и Бога, а значит, ни к чему деньги, дела, успехи... И все люди на самом деле делятся вовсе не на русских и нерусских, славян – не славян, евреев – не евреев, а, как и встарь: на добрых и злых.

Кто-то думает, что на умных и дураков: дескать, один добрый дурак может столько понатворить, что потом десять злых умников не расхлебают... Чушь это, для человека доброго есть один внутренний закон: не нанеси вреда никому. Не сотвори зла. И сколько бы меня не убеждали в обратном, какие бы ни строили теории – что есть добро и что есть зло, – каждый, даже пятилетний ребенок, осознает, поступает он хорошо или скверно. И как ни прикрывай то или иное деяние соображениями общего блага, выгоды, национальных интересов, борьбы за счастье народа или всех народов земли, все в конечном итоге придет к одному: добро это для людей и природы – или зло. И это последнее нельзя оправдать ни правом первородства, ни достижениями высот мысли, – зло сотворенное порождает только зло, и оно оборачивается против тех, кто взрастил его себе на выгоду, – болезнями, гонениями, смертью.

Ну а что такое ум – не знает никто. Конечно, не хитрость, ибо хитрость, по Ларошфуко, «признак недалекого ума». А только ежели спросите, кто умнее – академик общественных

наук, причем «национальный», да еще и дважды герой умственного труда, или неграмотный мужичонка, считающий землю не то чтобы плоской, но и не круглой, умеющий сладить погреб и истопить баньку и завсегда выгадывающий от прижимистой жены на «чекушку», – так я не скажу. Потому как не знаю. Мне для этого поговорить с человеком надо, потолковать...

Оконные стекла слезятся дождем... Сейчас сесть бы с другом поуютнее, распить бутылочку-другую под хрустящие огурчики и сало, под разговор уютный, московский...

Жаль – время не пришло.

Странно – потянуло меня по дождичку на философические обобщения... Хотя – меня можно понять. А значит – и простить.

Объявившись в Москве, я решил сразу «привязываться к местности». Не в смысле – рыть окопы полного профиля и искать свои координаты на топографической карте, а в смысле – узнать, кто чем дышит в столице и дышит ли вообще. На это нужны время и уединение.

Потому как по приезде я имел немного: сведения о том, что существует некая Организация, имеющая компрометирующую и иную информацию на людей бизнеса, политики, власти. Причем на людей самого высокого уровня или близкого к нему.

Некоторые полагают, что люди политики и люди власти – одно и то же. Дудки!

Политики лишь время от времени получают возможность влиять на дела страны, и то опосредованно, через аппарат. А вот аппарат – это реальные люди власти: они профессионалы, им непросто найти равноценную замену, да и высокая корпоративность в любой сфере деятельности – будь то дипломатия, военное ремесло, разведка и контрразведка, административные структуры – позволяет людям политики менять только небольшую их часть.

Просто за долгие годы того, что у нас именовалось социализмом, а значит, и было им, у людей сформировалось ощущение, что политика, власть и карательный аппарат – одно и то же. Прямо по Вовочке; «Государство есть аппарат насилия...»

Итак, Организация заинтересована в существенном влиянии на политиков и людей власти с целью получения сверхвысоких прибылей. Это как минимум. Ну а как максимум – «тихого» захвата этой власти на всех уровнях, включая самый высокий.

Я же, как Буратино, обладаю заветным золотым ключиком. Вот только в хижинах моих – ни в приморской, ни в московской – нет никакого намека на дверь в стене, даже завешенную старым полотном.

Так что мне необходимо этот «Сезам» отыскать и уничтожить, желательно – не вскрывая. Бед там не меньше, чем в ящике Пандоры.

Всех дел-то...

Со Светланкой на вокзале расстались очень дружески. Решили, что нас сближает не только духовная общность – интерес к обитателям Изумрудного города, но и страсть к экзотическим видам спорта вроде пэйнтбола или секса в труднодоступных местах, а потому есть смысл встречаться для развития упомянутых качеств. «Репетицию эст матер студиорум» – констатировали древние римляне и были правы.

Мы обменялись телефонами и разъехались на такси в разные концы Москвы.

Почти по-английски.

Дома меня ожидал сюрприз. Во-первых, уже у двери я ощутил непередаваемо-восхитительный запах копченой грудинки. А когда сосед Толик открыл дверь, я чуть не упал от тех ароматов, какими была наполнена квартира.

Вторым шоком был абсолютно трезвый вид Толика. Больше того, он никак не отреагировал на канистру в моей руке, где плескалось еще литра три.

– Олежек! Рад видеть. – Толик жал мне руку, вид у него был добродушно-озабоченный. – Ты прямо к обеду! Давай на кухню, Алка как раз отбивные жарит.

Все же сначала я залез под душ, переоделся в джинсы и свитер и ощутил себя почти дома. Почти – потому, что вся моя комната под завязку была набита: медом, копченостями, полушубками, шерстяными носками грубой вязки... Не было только пеньки и воска.

– Ты извини, что у тебя все сложили. В нашей комнате тоже – под потолок...

Алка, на редкость свеженькая, с блестящими от жара плиты щечками, накладывала мне на тарелку отбивные горкой.

– С чего гуляем? – осторожно поинтересовался я.

– Да ни с чего. Просто обед. – Алка была довольна произведенным впечатлением. Толик тоже сиял.

– Ну, тогда за встречу! – Я отвернул крышку канистры и озадаченно посмотрел на соседей. Никакой реакции.

– Ведерниковы, у вас что, новая жизнь? Толика так подмывало, что он чуть не пританцовывал на месте.

– Завязали, Дрон! Начисто завязали!

– Мама дорогая! Поздравляю!

– Во-во. Давно пора было. Да ты выпей, нам все равно. Не завидно.

– Да как-то одному...

– Олег, не комплексуй. – Толик произнес это таким низким назидательным баритоном, что рассмеялись все троем.

– Мы, Олежек, закодировались. Чтоб и не тянуло.

– И как? Не тянет?

– Абсолютно.

– Толя, кончай человеку зубы заговаривать, пусть поест с дороги. Отбивные стынут.

Стаканчик я все же принял, в очередной раз отложив собственное начало новой жизни.

Мы дружно заработали. челюстями.

– А все же, откуда изобилие? – спросил я, улучив момент.

Толик хитро прищурился.

– Ты удивишься, но от «МММ». Согласно рекламе.

– Они же спалились!

– А мы – нет.

– Толик, кончай темнить! Чтобы у вас с Алкой в апреле, когда я уезжал, денег хоть на одну акцию было...

– Во-во... На опохмелку не хватало... – Толик налил себе огромную пиалу чаю. – Короче, в начале июля мы с Алкой поцапались...

– А когда вы не цапались...

– Да не, по-серьезному. Сидели, клюкали, еще Мишка был с моей работы, ты его не знаешь... Короче, Мишку проводили, еще приняли, слово за слово, Алка меня хрясь ложкой по мордам...

– Половником, – усмехнувшись, поправляет Алка.

– Ну да. А я тоже подогретый был – ну и под глаз ей брызнул. Алка – в слезы и – шашь из дому. Ну куда она пойдет? Понятно, к теще. За ней я, конечно, не побежал, мужчина все же и гордость свою имею...

– Да ты не ходячий просто был...

– Алка, помолчь. Ну, а утром подумал, решил – пойду на мировую.

– Подумал он... Опохмелиться нечем было, вот и прибег, – язвит жена, но Толика, похоже, все это даже забавляет.

– Речь не о том. Посидели у тещи, потолковали. Вроде помирились. Ну, она выставила, все троем вмазали, ну и с Алкой там и остались. Проснулся ночью, по нужде. Пробираюсь назад в комнату, ощупью... Теща дрыхнет. Ну я и шашь к секретеру...

– Рецидивист прямо, – комментирует Алка.

– Не знаю, кой черт меня под руку толкнул... А просто – денег-то ни шиша, утро забрезжит – чем похмелиться стану? Ну и залез. Думаю, поживлюсь десяткой, и хорошо. И надо же, хмельной был, а сообразил – где бабы деньги-то спрячут? В белье, где же еще!

– Психо-о-олог...

– В общем, сую руку под белье в нижнем ящике – а там белья-то всего ничего.

И денег никаких – пачка бумаг. Толстенная! Дрон, у тебя какая книга самая толстая?

– А Бог его знает... Справочник фельдшера.

– Ну вот, так в аккурат такой толщины пачка и была. На кухню выволок, глядь – акции «Эм-Эм-Эма». А я б знать не знал, что с ними вообще делают, если б не тот телевизор...

– Это точно. От Лени Голубкова, как от судьбы, – не уйти.

– Было. Да у меня-то вся жизнь, ты помнишь, как в сумерках проходила...

– И у меня от тебя – в потемках, – вставляет жена.

– Да уж... Короче, в башке всплыло сразу: свободно продаются и покупаются... Ну я всю пачку возьми да и сунь в авоську... А пока теща дрыхнула – втихаря из квартиры-то и утек.

– А мамашка моя тоже хороша, – перебивает Алка, – ни мне, ни Славке, брату, про те акции ни гугу. Я-то знала, что у нее давно еще тысяч десять на книжке лежало, мы с Толиком когда еще просили, на квартиру-то... Сказала:

«Нету», как отрезала. А потом я уже и забыла об них... Вернее, решила – пропали на книжке-то...

– Ага, у Авдотьи Никитичны пропадут, пожалуй, кукиш с маслом... Зря она, что ли, за прилавком тридцать лет простояла... Зажала денежки...

– Не болтай зря. Я-то с ней росла, помню, как они доставались...

– Да и люди не без глаз... Там – привес, там отвес...

– Да?! Много ты на той копеечной картошке с морковкой наперевешиваешь? – рассердилась за мать Алка. – А мешки те – на себе тягай, а картошку ту мерзлую – руками разгребай с подсобки-то, а заведующей – дай, а участковому – дай, а инспекторам всяким торговым – дай... Это ты все подсчитал? С тех копеек-то? Так что молчи уж...

– А на квартиру – зажала-таки...

– Да что тебе давать-то было – вес одно ушло б, как в прорву... Лешке она нашему собирала, думала, хоть он по-человечески поживет, на нас уже крест поставила... – Алка хлюпнула носом.

Толик передохнул тяжело:

– Да, ладно, теперь-то чего. Ну а с Лешкой... Да, права она с Лешкой...

Забросили совсем пацана. Ничего, как от матери с деревни приедет, я его это...

Да в лицей отдам! Сколько б ни стоило! Пусть тот английский изучает, щас оно надо! Скажи, Дрон?

– Без английского теперь никуда, – авторитетно киваю я.

– Прямо уж в лицей сразу... – счастливо улыбается Алла.

– А чего?.. Он у нас головатый! От Олеговых книжек не отходит!

– Это от Олега не отходит, – вздыхает жена. – У нас-то в комнате, ты вспомни, пьянки да гулянки... А тебе, Олежек, жениться бы надо да самому деток завести...

– Повременю. Вот новую жизнь начну... так что с акциями теми?

– Ну вот. Пошел я, значит, на пункт ихний, да все, как есть, на деньги-то и обменял! Словно голос какой нашептал – акция, она бумажка, деньги надежнее...

– Это у тебя «белая» начиналась, раз голоса-то уже слышал, – хмыкнула Алка.

– «Белая», не «белая», а только если бы не я, осталась бы твоя мамашка щас сиротой казанской. Без копейки, значит. Короче, получил я деньги и аж обмер: это ж миллионы! Как

во сне!.. Сунул их в ту же авоську да домой потрусил, благо недалеко... Иду сам и думаю: а ну как стопарнет кто? Из-за этих «лимонов» и жизни лишить могут!

– Да ты б на себя в зеркало посмотрел: куртка болоньевая, еще за сорок рублей купленная, штаны вытертые – позарятся на тебя, жди!..

– Не, – не обращая внимания на женин комментарий продолжает Толик. – все ж верно люди говорят: пьяных да дураков судьба бережет...

– До поры... – вставляю я.

– Ну да, а ты у меня и пьяненький, и не сильно умный! – усмехается Алка.

Толик вдруг разозлился: покраснел, насупился... – Был... – поправляется быстро та. – Я ж щас так бабам и говорю: мужику моему, дескать, цены нет, до того разумный!

Толик исподлобья смотрит на жену: насмехается, что ли? Лицо Алки круглое, улыбочное, простодушное...

– А, бабы! Ну вас! Слушай дальше. Пришел, значит, я домой, четыре бумажки по пятьдесят из пачки вытянул, а остальные в целлофан завернул, резинкой перетянул да в бачок сливной спрятал, А уж похмелюга пришла, потряхивать начало – да только с миллионами кто ж к ларьку-то пивному идет, боязно.

Ну, взял деньги да и пошел пиво пить. Выпил кружку, другую, тут дружбанки – Серега с Костькой подгребли, портвейну налили... Ну и я развязался – потряхнул мощной...

– Купец Копейкин гуляет...

– Взяли мы на все «зубровки» да и сорвались под Москву, в Костькину деревню... Так сказать, на отдых и простор...

– И не икалось вам... Мамаша как пропажу обнаружила, так ее чуть Кондратий не хватил!

– Пилося попервоначалу хорошо, легко. А в деревне – уже и не помню. На самогон на какой-то набрали да на брагу. Так на неделю и загудели... – Толик перевел дух, в два глотка допил чай. – А потом – аж вспомнить страшно. Стала мне теща моя являться – то ли во сне, то ли наяву, разве разберешь, когда пьешь неделю без просыху... Почему-то на две головы меня выше, вся в белом, как в саване, в одной ручище те акции держит да трясет ими, другой – горло мое достать пытается да шепчет с придыханием: «Задушу паразита... Задушу...» И вонь изо рта сивушная, и глаза светятся, что твои угли...

Короче, перепугался я – жуть. Как просветлит – чувствую, «белка» идет. Ну и рванул первой же электричкой на Москву... Как к ней через лес бег, все казалось – гонится кто за мной, да голос тещин: «Задушу... Задушу...»

Весь путь в тамбуре ехал – там люднее, не так страшно, а только шептать начинает, я к бутылке с самогомтом и приложусь... На подходе к дому друганы перехватили, портвейном подмогли, пришел уже к двери «автопилотом», открыл кое-как...

А тут сама Авдотья Никитична подвинулась, громадная, как бронепоезд.

«Где акции, гад?»

«Продал».

«А деньги? Пропил?»

«Чутьчку... Да рази их все пропьешь?!»

"Сколько всех-то?"

«Миллионы...»

«Где?!».

«Там», – махнул я рукой в сторону туалета и отключился.

Очнулся на белых простынях. Лежу тихо, как мышь, трясун ознобить начинает... Теща появляется, да стакан ко рту.

– Похмеляйся, милоч. Только но чуть-чуть, не в раз.

И стакан мне протягивает.

Вот она, думаю, горячка, началась...

– Мамашка моя как узнала, что деньги целехоньки, – прямо не своя стала!

Пока Толик по селам самогоном наливался, закрылось это «МММ» и сбережения у людей пропали. А ее – не только вернулись, так еще и нажили сколько!

Самолично Толю из запоя vyhаживала, что дите малое. И бульон тебе из рыночной курочки, и спиртное по каплям, как лекарство, и таблетки нужные достала, чтоб не трясло его так да чтоб крыша не съезжала... Да все повторяла мне и ему: «Перст судьбы это, перст судьбы!»

– Ну да, а я как к жизни-то вернулся, тоже задумался. Отродясь у меня сразу столько не было... И подумалось: ведь и этакую прорву пропить можно, это ж как жалко! Короче, посоветовались мы с Алкой да пошли закодировались. На пару. Чтоб, значит, никому не обидно было да и без соблазну.

Ну а на деньгах сидеть без толку – тоже смысла никакого. Вкладываться во всякие там фонды – себе дороже станет. Вот мы и решили сами. Я «рафик» старенький купил, теща – палаточку при рынке сняла... Поехал по селам...

– И как? Прибыльно?

– Да в накладе не сидим. – Взгляд Толика серьезен и спокоен. Словно после этого лета – другой человек стал. А он и стал другой. Никто ему не указ, знает, что делает, знает для чего и для кого, и – сам за все в ответе. И еще: появилось в нем то, чего раньше не было, – достоинство.

– А поборами не беспокоят?

– Как же без этого. Да договариваемся, по-божески. Я ж всех этих пацанов сызмальства знаю. Их работе – тоже не позавидуешь...

– Это уж точно!

– Жаль, образования у меня нет. Вот тебя взять: и зарабатываешь хорошо, и ни от кого не зависишь...

– Когда как.

– Хорошо бы и Лешка мой так бы...

– Каждому свое...

– Это точно.

– А я вот одно понял: на простом продукте хорошо заработать можно, если с умом. Ведь нормальный человек, который не перекормленный, он же натуральный продукт любит... И про одежду то же скажу, и про все... Да чтобы с гарантией, что картошечка, к примеру, на чистом навозе выросла, без химии, что мясо – утром еще мычало. Спрос такой, что только давай! Я вот, к примеру, думаю...

Дальнейшие рассуждения я слушаю вполуха. Суть их сводится к простой и давно заученной формулировке:

... Чем государство богатеет, И чем живет, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет.

Улучив в разговоре паузу, благодарю хозяйку за царский обед. Алла сияет от удовольствия. Встаю:

– Пойду вздремну с дороги.

– А чего ж в поезде, не спалось? – спрашивает женщина.

– Не так, чтобы совсем не спалось...

– Видать, попутчица попалась... разговорчивая, – подмигивает Толик.

– Толян, что-то я особо молчаливых среди женщин и не помню, – киваю на Алку.

– Это ты в точку! Любой бабе язык почесать – нет слаще развлечения!

– Вот уж тут ты не попа-а-ал, – тянет Алла.

– Ну ясно, исключая это дело...

- Да ладно. А что до болтовни – кто битый час языком молот, я, что ли?
- Бабы!.. На себя посмотри.
- Так я по делу. Вроде как по-соседски.
- Отстань уже от человека. Дай отдохнуть.
- Так разве я... Вот, блин! – Толик сочувственно повернулся ко мне:
- Ну как с бабами еще разговаривать – все по-своему перевернут... Ты это... Ничего, если наше барахлишко у тебя чуть полежит, пока распродадим?..
- Мне не мешает. Да и дома я вряд ли засижусь.
- Оно да... Щас не покрутишься – дак без штанов будешь.
- И без шляпы... – Направляюсь в свою комнату.
- Дрон...
- Да?
- Я вот чего подумал... А вот кабы я знал, когда это «МММ» прикроется, да деньги большие имел, да вложил бы все, да вынул вовремя... Ну, натуральные деньги, доллары... Я бы это... Миллионы бы нажил... А?..
- Нет.
- Не нажил бы?
- Не миллионы. Миллиарды.

Глава 7

Со следующего дня я вплотную занялся прессой. То есть как на работу ходил в «ленинку» и просеивал все издающиеся у нас газеты и журналы. Ну и крупнейшие зарубежные.

Адмирал Захария, шеф военно-морской разведки США времен Второй мировой, обронил когда-то примерно следующее: «Девяносто пять процентов нужной вам информации находится в открытых источниках». А потому аналитики всех разведок мира трудятся под вывесками благотворительных, научно-исследовательских, историко-литературных фондов, институтов и иных организаций, прорабатывая газетную и журнальную периодику по самым разным отраслям – в зависимости от специализации. Пространство вокруг нас наполнено информацией, но сама по себе она ничего не значит и ничего не стоит: это как шум от включенного радиоприемника – диктор вроде и вещает что-то, но его слов мы не слышим и не замечаем, для нас это фон.

Обработка и последующий анализ информации начинаются только после постановки задачи. И здесь различаются уровни: стратегический, тактический, оперативный.

Поскольку персонала у меня нет, всю работу приходится выполнять самому.

Зато есть навык и, как выяснилось, ностальгия по этому роду работы. В добровольных «южных ссылках» я порядком одичал, но сейчас мне приятно рыться в газетах. Да и темп проработки за одну неделю увеличился втрое: я втянулся, остается теперь проконтролировать одну опасность – не погрязнуть в деталях.

Кроме того, эмоциональное восприятие способно увести в сторону: хорошо поданный материал может увлечь. Для меня он на данный момент «пустой», но сопереживание рождает усталость, и можно пропустить что-то очень незаметное на газетном или журнальном листе, но чрезвычайно важное.

Собственно, у нас все население, по крайней мере, та его часть, что старается думать, – аналитики поневоле.

И выводы о том или ином событии делались в советское время не по содержанию, а по тону материала. Не важен был и объем.

Помню одну заметочку в «Известиях» более чем пятнадцатилетней давности. Я учился то ли на первом, то ли на втором курсе, поглощал бездну макулатуры, стремясь стать умнее... А эту газету вынул из собственного почтового ящика. Не помню, что там было еще, но на самой последней странице самыми мелкими буквами было напечатано примерно следующее: «По сообщению агентства Синьхуа. Вчера Китай произвел запуск трех искусственных спутников одним ракетоносителем». И все.

Важнее этой информации в газете ничего не было. А несла одна та строчка в себе следующее. Первое: Китай обладает баллистическими ядерными ракетами, способными поразить цель на любом расстоянии. Второе: эти ракеты оснащены кассетными боеголовками. Третье: китайское руководство сообщает об этом официально, хотя и несколько завуалировано.

Так что в свои восемнадцать лет я уже неплохо умел читать. Потом занялся научной работой, и мое умение читать не только советскую прессу заметили...

А пока проанализируем исходные. Или, выражаясь профессионально, – вводные.

Чтобы определиться на стратегическом уровне, танцевать придется издалека.

От печки.

Итак, к концу семидесятых – началу восьмидесятых властным структурам СССР стало ясно: административно-плановая экономика крайне неэффективна. Ее необходимо менять на рыночную, с обязательным государственным регулированием путей налоговой и инвести-

ционной политики. Именно такой тип экономики существует в США. В нашей литературе он не правильно именовался государственно-монополистическим капитализмом. Капитализм перестал существовать после мирового кризиса 1929 года. Именно мирового: СССР был так же плотно втянут в него, как и все остальные страны.

Перед каждой страной встал выбор: какой тип государственного регулирования предпочтительнее. США, Великобритания, Франция (в последней этот процесс затянулся до формирования президентской республики) выбрали регулирование путем налогов и льгот, тем самым привлекая капиталы в нужные отрасли экономики..

Германия, Италия, Испания, СССР – стали на путь жесткого административного управления экономикой. С двадцать девятого по тридцать третий год в СССР были проведены: замена совнархозов (рекомендательное директирование) наркоматами, причем Госплану были приданы черты законодательного органа, а его рекомендациям – сила закона. Обеспечение этого закона осуществлялось карательными органами, которые до 1953 года по сути стояли над партией и были подконтрольны одному человеку. Тогда же была проведена и так называемая коллективизация. В результате СССР превратился в государство с преобладанием внеэкономического принуждения к труду; экономика стала четко административно-плановой, без задействования рыночных механизмов.

В 1956 году Хрущев осуществил переворот, суть которого – в отстранении от власти карательных органов и передаче ее партийной номенклатуре. На мой взгляд, Никита Сергеевич, выросший в другую «эру», сам недооценил собственную реформу и переоценил свою роль – роль Первого. Аппарат не хотел более зависеть от причуд, милостей или амбиций одного лица; ему необходимы были стабильность и уверенность в собственном положении.

Опытный аппаратчик Брежнев тихо расставил людей по периферии – в обкомах – и сумел мягко убрать предшественника.

Люди, пришедшие с Брежневым, отладили систему до такой четкости, что даже поразившая лидера в конце семидесятых болезнь не смогла помешать ее функционированию. Больше того – даже «перестройка» не смогла уничтожить существование основного хребта государства: экономического – военно-промышленного комплекса, и властного – жесткой административно-бюрократической системы. В период перестройки термин «бюрократия» стал грубо ругательным, но без нее власть неспособна проводить никакие решения. Четко функционирующая бюрократия в любой стране обеспечивает нормальную работу властной «вертикали» и тем самым стабильность в стране и обществе.

Да, и еще в брежневскую пору была восстановлена «рыночная часть» экономики, но восстановлена «снизу» – в теневом варианте. В период перестройки теневики, объединенные с криминальными структурами, сумели умножить капиталы тысячекратно, подвывая к своему тандему торговых: что только не становилось «дефицитом» на определенное время, причем товар массовый – водка, сигареты, мыло, стиральный порошок...

Итак, еще в семидесятых – начале восьмидесятых сформировался один из видов капитала, действующего сейчас в стране, криминальный. Его преимущества: быстрая оборачиваемость, подвижность, наличность и, следовательно, эффективность в применении. Лица, владеющие этим капиталом, не отягощены моральными догмами и могут влиять на решения тех или иных людей самым широким арсеналом средств: от подкупа до убийства. Главный недостаток этого капитала – нелегальность и, как следствие, определенные трудности доступа в наиболее прибыльные сферы легального бизнеса: «оборонка», нефть и энергоресурсы, недвижимость.

Пойдем дальше.

Итак, люди власти пришли к выводу, что планово-административная экономика крайне неэффективна. Старая «брежневская гвардия» была уже не в состоянии держать страну под

контролем. «Молодые» же, обладающие амбициями и энергией, четко осознали; предстоит делить собственность самой богатой страны мира.

Процесс пошел по двум основным направлениям: с одной стороны, комсомольские и партийные функционеры активно взялись за создание центров научно-технического творчества молодежи и прочих «поплавков» и через систему этих «поплавков» превращали партийно-комсомольско-профсоюзно-государственные средства в чьи-то частные. С другой – система фондов. К примеру, образуется некий фонд, который учреждает несколько акционерных компаний, а те в свою очередь – систему предприятий; получают льготные кредиты, прокручиваются (через конвертацию или необходимый товар), возвращаются, а вырученные деньги – уже чьи-то. Еще лучше – предприятия-«поплавки» просто «топятся», какое-то одно объявляется «крайним» во главе с почетным председателем вроде того, что был в «Рогах и копытах». Почетный председатель конечно же под суд не идет – его пожурят и, учитывая безупречное партийное прошлое, отправляют на заслуженный отдых. Понятно, не самым бедным человеком.

Следующий закономерный шаг – возникновение совместных предприятий.

Используя разницу между рыночной ценой и реальной покупательной способностью рубля и доллара, через СП перегоняют за границу громадные средства – сотни миллиардов долларов. Образуется компрадорская буржуазия, или компрадоры. У них две цели: продажа за границу отечественного сырья по наиболее низким ценам – их прибыль здесь «черная»; обладая властью или влиянием, они заключают заведомо невыгодные для страны контракты, получая свой профит взятками. Причем – многомиллионными. Вторая цель – завоз в страну импортных товаров. При этом завоз очень крупных партий осуществляется также за взятки, контрабан-дно, то есть – без уплаты реальной пошлины, товары импортные «бьют» отечественные цены...

Криминалы и компрадоры активно сотрудничают, имеют представителей в различных ветвях власти.

Третья группа – олигархи. Название, понятно, условное. Так я характеризую людей близких к власти и потому имеющих возможность приватизировать по «остаточной стоимости» недвижимость, получать контрольные пакеты в акционируемых предприятиях, «крутить» бюджетные деньги, серьезно играть на изменениях курса доллара и акций крупнейших компаний, тем более что этот курс зависит от действий государственных структур – Центробанка, Министерства финансов и иных.

Собственно, распад СССР был результатом не каких-то там ущемлений национальных прав в республиках: известно, что все семьдесят лет именно Россия являлась сырьевой колонией для окраин, именно за ее счет кредитовались стройки, промышленные комплексы и т. п. Просто когда встал вопрос о разделе имущества – нет, не между Россией или республиками, а между олигархиями московской и местными, – партийно-номенклатурный аппарат предпочел не делиться с москвичами.

В каждой из стран СНГ возникла своя олигархия, «наварившая» за несколько лет независимости колоссальные деньги: одни – распродажей стратегических ресурсов за рубеж, другие – конвертацией, третьи – приобретением недвижимости по «остаточной стоимости».

Олигархи среднеазиатских республик существенно отличаются от своих собратьев в Москве или, скажем, на Украине. Там – давние, прочно сложившиеся корпоративные связи, базирующиеся на родовых и племенных отношениях. В Москве – сложившиеся еще в советское время клановые группировки.

На Украине, в Белоруссии, в Молдавии – здесь произошел любопытный казус.

Люди номенклатуры, с молодых лет посвятившие себя партийной карьере, четко осознавали: на московский Олимп власти им не пробиться, там свои пироги и свои пирожники, и, следовательно, готовили себя к карьере секретарей райкомов и обкомов и, как апофеоз – к

членству в местном политбюро. К карьере министров, премьеров и прочему они оказались просто не готовы. И стали похожи на людей, купивших обувь на пять размеров больше...

Олигархи неоднородны. В странах СНГ большая их часть стремится к слиянию с компрадорами: комплекс не-полноценности приводит к неуверенности в собственной власти, а значит, они пользуются ею с тем, чтобы больше взять реального богатства, денег. Свои средства они размещают исключительно за рубежом.

В России положение несколько иное. В отличие от других стран СНГ здесь сформировался корпус национальной буржуазии. Через акционерные общества они сумели приватизировать предприятия «оборонки»; влияние их на московские решения весьма существенно.

События августа девяносто третьего в Москве были обусловлены как раз тем, что основные деньги, основные средства производств уже не были государственными или партийными, они были чьи-то. И эти люди были готовы поддержать любую сильную власть, которая обеспечит «статус кво»: закрепит за новыми собственниками их права. Президент в тот период отвечал этим требованиям больше других.

Тогда же, в октябре девяносто третьего, стали очевидны мощь, сила и влияние «националов». Их резкая и однозначная реакция на чрезмерные действия власти не позволила олигархам сконцентрировать в своих руках полную власть. Стало ясно:

Удмуртия и Мордовия, Башкирия и Татарстан, регионы Сибири и центра России хотят и могут влиять на события в общегосударственных интересах.

Это влияние усиливается тем, что от позиций и нормального функционирования так называемой «оборонки» непосредственно зависят и армия, и силовые министерства, и занятость, и материальная обеспеченность не только людей в погонах, но и миллионов работников в самых разных отраслях. Следовательно, и стабильность в стране. Двигая на усиления «огоньковцев» перестроечных времён и бесчисленное количество статей о том, как много народных денег «пускают в трубу» армия и обслуживающая её промышленность, и коню понятно, что в «оборонке» сосредоточено не только собственно военное производство, но и производство компьютеров, вычислительной техники, высоких технологий, научно-исследовательские институты.

Вся продукция конкурентоспособна на мировом рынке. Один рубль, вложенный в «оборонку», стоит три доллара США.

Понятно, что продавать высокотехнологичные изделия, любые, включая вооружения и военную технику, куда выгоднее, чем сырьё. Конечно, есть «общечеловеческие ценности». И моральные аспекты... Наверное, именно поэтому лидером на рынке оружия выступает главный миротворец – США. Штаты контролируют семьдесят процентов этого рынка. Следом идет Израиль. Россия занимает почетное третье место.

Любое государство существует прежде всего для того, чтобы защищать свои национальные интересы. Понятно и естественно, что США защищает интересы своих граждан, Франция – своих, Израиль – своих и еврейской диаспоры во всех странах, Россия – своих. Должна бы.

Интересы своих граждан можно защитить, только поставив их над интересами других. За их счет. Другого не дано. И это тоже понятно и естественно. По крайней мере на данном уровне развития человечества.

Таким образом, национальная буржуазия имеет самые выгодные перспективы и самый предпочтительный «моральный облик». Их собственность – заводы, нефтепромыслы и перерабатывающие предприятия, конструкторские бюро, исследовательские институты – нельзя упаковать в чемодан и увезти, нельзя перевести за границу, то есть нельзя «отобрать» у граждан страны. Их капитал, выраженный в акциях, достаточно условен: даже если этих акций на миллиарды долларов, такой «буржуин» все равно за один присест больше пяти тарелок

супа не съест, а вот работать, приумножая его, будет, как дизель в двести лошадей, до бессонницы, до истощения.

Ну а поскольку промышленные потенциалы всех стран СНГ связаны теснейшим образом, то и общая стратегическая перспектива ясна как день. В странах с высоким уровнем развития промышленности предприятия будут акционироваться и приватизироваться в первую очередь директорским корпусом и частью местных олигархов. Это касается Украины, Белоруссии, Казахстана.

Когда завод из ничейного превратился в лично твой, ты приложишь все усилия, чтобы он работал. Заработают и процессы на политическое сближение.

* * *

И, наконец, еще один плюс: контрольный пакет акций любого предприятия «оборонки» всегда можно сохранить за государством; кроме того, государство может влиять на эти предприятия посредством бюджетных заказов с одной стороны и налогов с другой. Ну а поскольку эти могущественные экономические силы попадают в такую зависимость от государства, они будут стремиться к тому, чтобы быть представленными серьезными политическими силами – партиями, и серьезными силами власти – Президентом и правительством.

Так что общая объективная тенденция – присоединение к национальной буржуазии части олигархов, компрадоров и даже криминалов и формирование единой национальной буржуазии. Все это не означает, впрочем, прекращения борьбы, причем крайне жестокой, за власть и влияние.

Но есть и другой путь. Худший для России и ее граждан, выгодный для ее противников и части богатых внутри страны. Это слияние компрадоров и олигархов с преобладанием последних против национальной буржуазии и с тактической опорой на криминалов. При таком пути возможно установление наиболее жесткого режима, провозглашение этим режимом любых лозунгов, но скорее всего национал-демократических.

В результате Запад и США получат, как они могут полагать, послушную «сырьевую» страну, являющуюся к тому же рынком сбыта для иностранных товаров.

Вместо сильного конкурента. Но это на первый взгляд.

Октябрьский переворот семнадцатого года был ведь задуман прежде всего для устранения России как главного экономического конкурента США, – быстрое, динамичное развитие страны, невзирая на медленный ход реформ после убийства Столыпина, привело бы к тому, что уже к середине двадцатых годов Россия стала бы самым серьезным конкурентом Штатам. Переворот привел не только к неисчислимым бедствиям для России, но и к негативным последствиям для многих стран Европы и мира. Так что компрадоры, могущие поддержать часть олигархов на пути к власти, выиграв сиюминутно, непременно проиграют стратегически. Уже не говоря о том, что пришедшие к власти в борьбе за нее при таких условиях имеют обыкновение перманентно отстреливать друг друга.

Итак, по стратегическим позициям все. Ах, ну да! Золото партии!

Время от времени статьи на эту тему появляются-таки на страницах печати. Но все меньше будоражат отечественного обывателя.

Собственно, в широкий оборот ввел это выражение придворный детективщик Юлиан Семенов, имея в виду золото нацистов. Борзописцы перестройки и последующего «судьбоносного» периода использовали сей термин для разных по качеству и абсолютно далеких от сути дела статей.

Главное отличие нацистской Германии от СССР состояло как раз в том, что национал-социалисты были действительно партией, кроме них в стране действовали другие могу-

ществующие политические и, главное, экономические силы, имевшие собственные средства. Потому и термин может быть оправдан – для Германии.

В СССР же партия являлась частью государственного аппарата, системы. Ей не было необходимости накапливать отдельно от государства тайные средства – все государство было ее. Это не значит, что эти самые средства не размещались за рубежом, на номерных или кодированных счетах, или где-то там еще. Да. Но это – оперативные средства, предназначенные для субсидирования разведывательной работы.

Полагаю, стратегические средства тоже вкладывались. Только не на счета.

Через фирмы-посредники, банки-посредники – в экономику стран Западной Европы, США, арабских стран, Израиль – путем скупки пакетов акций или иными путями.

А почему нет? Никого ведь не удивляет, когда крупнейшие и старейшие немецкие фирмы вдруг оказываются принадлежащими японцам... Почему бы японским, шведским или даже американским фирмам не оказаться принадлежащими русским?..

«Есть многое на свете, друг Горацио...»

Что еще?

Ах да, нефть.

Стратегическая штука. Очень даже серьезные деньги. Десятки миллиардов долларов. Если не сотни.

Нефтяной консорциум по инициативе Баку, усиление влияния Турции, договор Азербайджана с Ираном, как следствие – яркий демарш министра иностранных дел в сторону Багдада... ну да, Грозный с нестабильностью, – а по территории Чечни очень удобный для России нефтепровод...

Вроде все на этот час...

Вот такие у меня вводные на стратегическом уровне. Какие сделаем выводы?

Первое. Судя по событиям в Приморске, Организация и ее люди представляют определенную часть олигархов и компрадоров. Содержащиеся в Досье материалы могут оказать именно сейчас решающее значение для захвата, скорее всего «тихого», власти в стране. Люди Организации обладают значительными денежными средствами, сотрудничают с «криминалами», могут привлекать для выполнения операций работников правоохранительных органов, ФСК, СВР – «втемную», давая профессионалам задания «по службе». Сохранность Досье имеет для них первостепенное значение: при сложившейся расстановке сил только путем широкого, скоординированного влияния на людей политики, власти, бизнеса они могут повернуть ситуацию в свою пользу.

Второе. Овладение материалами Досье может означать для Организации, особенно для ее руководства, качественно новый этап деятельности. Без этой информации она может или развалиться, или выродиться организационно – в полумафиозную структуру, где каждый начнет работать на себя. Дисциплина, на мой взгляд, в ней не столько идейная, сколько принудительная, базирующаяся на возможной компрометации или даже угрозе физической расправы. Ясно одно: чтобы заполучить Досье, люди Организации пойдут на все.

Из этого я делаю два вывода: с одной стороны, пока я не отыскал информацию, с моей головы и волосы не упадет; с другой, мое устранение после этого – вопрос времени, причем очень короткого.

Третье. В стране существуют могущественные силы «националы» и часть олигархов, заинтересованные в информации. Их возможности не уступают, а, может быть, и превосходят возможности Организации.

Четвертое. Нельзя исключить вмешательства спецслужб иностранных государств в борьбу за получение Досье. Вполне возможно, что один или несколько людей Организации контактируют с этими спецслужбами; о существовании Досье они знают и приложат любые усилия для его получения.

Пятое и главное. Мне необходимо победить. Победить и остаться живым!

Глава 8

Для того чтобы остаться живым, есть много способов. Например, уйти От «хвостов», скрыться в дальней деревеньке и работать мирно где-нибудь в сельсовете учетчиком. До пенсии. Если призадуматься, можно найти еще полторы сотни подобных перспектив.

Да, остаться в живых так можно, а вот победить – нельзя. А значит, и жив ты будешь «условно», ибо это не жизнь, а существование. По крайней мере, для меня.

У профессионалов есть определенный набор правил, таких же простых, как мытье рук перед едой. Правила эти выполняются автоматически и притом позволяют во многих случаях не подставиться. А значит – сохранить жизнь.

Вспоминаю бессмертный телебоевик «ТАСС уполномочен заявить...». Трианон входит в комнату, сосредоточенно, не двигаясь, осматривает ее до мельчайших деталей. Кагэбисты в окне напротив снимают его на пленку и комментируют: вот, дескать, змей какой, и так каждый раз – проверяет, не было ли кого в его отсутствие, все ли на месте.

Похвально. Но после этого «супершпиен» преспокойно садится к столу, открывает тайник и извлекает из батарейки сверхсекретный микрофильм. Не задерживая штор. В удобном для гэбистов ракурсе...

Может, оно и мелочь, и на Солнце бывают пятна... Но...

Никогда ни один профессионал не сядет спиной к двери. Даже закрытой и заложенной поленицей. Или к окну. Даже прикрытому жалюзи. Никогда он не будет вести серьезный разговор рядом с телефонным аппаратом, радиоприемником, телевизором. Даже в сверхнадежном месте. Это азбука. То, что отработано до автоматизма.

Разумеется, все это в том случае, если у него будет возможность выбирать.

У меня же имеется два минуса: первый – возможность выбирать у меня ограничена, второй – я не профессионал. В том деле, что называется агентурной или оперативной работой. Зато есть утешение: и медведей учат.

В том, что меня «ведут» с самого перрона Курского вокзала, сомнений никаких. Никакой слежки я не заметил, просто почувствовал.

Ребята подготовились очень и очень. В расчете на то, что объект – фигура беспокойная и, как выражался покойный Смирнов-Ласточкин, с несбалансированной психикой да еще с каким-то мудреным комплексом-Все это означает, что, помимо предсказуемых маршрутов и поступков, я могу допускать и непредсказуемые или случайные. Следовательно, чтобы «вести» меня аккуратно и незаметно, необходимо достаточное количество профессионалов – «топтунов», спецов «наружки». Плюс машины. Плюс связь. В копеечку им эта пьянка обойдется...

Ну да я не считаю себя фигурой, равной Черчиллю, и веду себя соответственно. Маршрут мой – из дома до библиотеки и обратно, пешком и на метро с одной пересадкой на кольцевой – неизменен и постоянен. Никаких посторонних контактов.

Держать за мной полтора десятка «топтунов» – дело нерентабельное, вот и осталось их четверо, на перемену. Плюс две барышни. Всех шестерых я знаю в лицо, но не здороваюсь. Не из невоспитанности, наоборот: ведь мы друг другу не представлены. Да и к чему людей смущать. У них – своя работа, у меня – своя.

Почти научная.

Собственно, все стратегические вводные я сформулировал для себя априори.

Это то, что лежит на поверхности. Газеты же с журналами листаю изо дня в день для определения конкристики, персоналий. Кто именно какую буржуазию представляет.

Из политиков и фирмачей. Дело это не такое уж простое, как может показаться. Но пока справляюсь.

С одной стороны, все эти люди в метро не ездят, а я в их круг не вхож.

Тогда – зачем мне это? Очень просто: чтобы победить и остаться в живых, нужно не только уничтожить Досье, но и уничтожить Организацию.

Прекрасно отдаю себе отчет в том, что я не ракета «СС-20», не крейсер «Аврора» и даже не Ворошиловский стрелок. К тому же никому не дано «выпить море». Это по Эзопу. Или – объять необъятное. По Пруткову. Но Эзоп ведь нашел выход: «Да, я обещал выпить море, но без всех речек и ручейков, что туда впадают. Отделите их от него, и тогда я выпью море».

Конкретно для меня это означает следующее: Организация неоднородна, в нее входят люди с разной степенью амбиций, способностей, таланта, с разной степенью зависимости друг от друга, наконец, с разными целями. К тому же они считают себя элитой, каждый – неким сверхценным существом.

Вообще-то элита нужна любому государству и обществу. Но не в виде группки разживших нуворишей, а в виде аристократии. Последняя же формируется не год и не пять. На это уходят десятилетия, если не столетия.

На самом деле у аристократов значительно больше обязанностей, чем прав. Да, изначально, с рождения, они избавлены от нужды, получают исключительное образование... Но и исключительное воспитание при этом, основной целью которого является воспитание чувства долга. Перед Государем, олицетворяющим народ, перед страной и ее гражданами. И если случалась война, аристократ шел сражаться.

Выполнять свой долг. Защищать. Он не мог выказать трусость – трусость не прощалась. Ему было что терять. Но и уклониться он не мог, ибо в этом случае просто переставал быть аристократом.

Ну и кроме того, существовал искусственный отбор на порядочность. Дуэли.

Человек отвечал за бесчестный поступок жизнью.

Кому много дано, с того много и спросится. Может показаться, что аристократия вымерла с развитием товарного рынка. Вот уж нет!

Мамонтовы, Третьяковы – кто они, если не аристократы?!

А Джон Фицджеральд Кеннеди? Человек имел все изначально – прекрасное образование, возможность любой карьеры, деньги...

Вместо этого он становится командиром группы торпедных катеров. Что такое торпедный катер? Это попросту большая моторная лодка, при поражении превращающаяся в движущийся столб пламени. Вместе с экипажем.

Джон Ф. Кеннеди был серьезно ранен в позвоночник. И всю жизнь носил корсет.

Кто помнит сейчас об этом?

Позднейшие исследователи жизни и смерти Кеннеди приписывали его поведение... все тем же комплексам. По Фрейду. Дескать, сызмальства имел отцовскую установку – отдать жизнь, погибнуть за свою страну. Не получилось на войне – так он, дескать, лез на рожон уже будучи в президентском кресле.

И здесь все просто: каждый человек меряет других по себе, другого эталона, другой системы отсчета нет. Мелкая и низкая душа никогда не поверит ни в совесть, ни в верность, ни в благородство. Проще объяснять все «комплексам»: перемастурбировал, в отрочестве, недотрахалясь в юности – вот и стал героем. Или – гениальным художником. Или – поэтом.

И, наконец, Уинстон Черчилль. Каждый сразу представляет огромную неповоротливую фигуру, спокойное лицо, неизменную сигару в углу рта. Символ Великобритании, символ могущества, символ осторожной, уравновешенной политики...

Человек, которому все было дано от рождения и ничего не угрожало...

И мало кто знает, что девятнадцатилетний Уинстон был одним из самых блестящих военных корреспондентов во время англо-бурской войны в Южной Африке.

Там англичане впервые применили бронепоезда. Черчилль напросился в рейд. Буры разобрали рельсы спереди и сзади поезда, и Черчилль возглавил группу десанта и командовал ею, пока чинили пути. И попал в плен. Для него, в отличие от любого офицера, это было не просто опасно – смертельно опасно! Ведь в случае пленения на него не распространялось действие конвенции о военнопленных, он не был военным, но, поскольку участвовал в бою, считался лазутчиком. Шпионом, подлежащим расстрелу на месте. И его бы расстреляли, но ночью он бежал. И более суток в одиночку добирался к своим по южноафриканской прерии. Знал ли молодой Уинстон, чем рискует? Безусловно знал.

Ему было что терять – богачу, аристократу, красавцу с блестящими перспективами, незаурядным умом, талантом?..

Безусловно да.

Мог ли он поступить иначе?

Безусловно нет.

В этом случае это был бы не Уинстон Черчилль, а совершенно другой человек.

И кто-то другой, а не он, стал бы символом политического мышления целой эпохи.

Все просто. Нормальный человек не может предавать. Не только кого-то. Он не может предавать самого себя. Тогда он перестает жить. Просто существует.

Доживает. Чтобы потом кануть в небытие. В бездну.

К чему я все это?

А к тому, что как бы ни рядились нынешние нувориши и политиканы в патрицианские тоги, раввинские кипы, священнические ризы, как бы не звенели золочеными эполетами или невесть откуда взявшимися Георгиями, сутью их останутся желтые клыки шариковых и недалекая подлая хитрость швондеров.

Как там у римлян? «Вюлопас пилум мутат, нон морес» – «Лиса меняет шерсть, а не нрав».

Именно это я и собираюсь использовать. Если люди Организации строят свою стратегическую линию поведения на использовании компромата, вряд ли они воздерживаются в сборе материала друг против друга. И для того чтобы они забеспокоились, начали тихую войну между собой, мне необходимо сотворить две вещи: создать иллюзию близкой победы и прихода к власти и – нарушить равновесие.

Тем более что кто-то этим уже занимается. И очень серьезно.

«Катастрофическое падение рубля Президент назвал или вопиющей халатностью или диверсией. Создана специальная комиссия по расследованию причин дестабилизации финансового рынка. Комиссию возглавил секретарь Совета безопасности».

«По мнению ряда экспертов, причиной „черного вторника“ явилось желание правительства путем спекуляции на валютной бирже получить деньги, чтобы рассчитаться бюджетными долгами».

"Независимые эксперты полагают, что падение курса рубля на треть в течение одного дня было не чем иным, как сговором руководителей коммерческих банков.

Общая сумма прибыли, полученная теми, кто в «черный вторник» удачно сыграл на понижении, составляет ОДИН ТРИЛЛИОН рублей".

"Как известно, в ходе приватизации крупные пакеты акций госпредприятий продавались через чековые аукционы, в которых могли принять участие все заинтересованные инвесторы, в том числе иностранные. Если последовательно переконвертировать акции через ваучеры, использованные, не торгах, в доллары, то окажется, что вся единая энергетическая система России стоит столько же, сколько инвестирует в год средняя американская нефтяная компания. РАО «Газпром» оценен, согласно спискам Госкомимущества, всего лишь в 228 256 тыс. долларов. А Горьковский автозавод со ста тысячами рабочих и служащих – стоит

чуть больше суммы, которую заплатил «Ванкувер кэнакс» за «арендную российского хоккеиста Павла Буре на пять лет, то есть чуть больше двадцати пяти миллионов долларов».

«Как заметил в доверительной беседе высокопоставленный представитель властных структур, прибыли банкиров-спекулянтов, удачно использовавших „черный вторник“, по сравнению с собственностью, полученной рядом лиц в результате приватизации госимущества, похожи на горку песка в детской песочнице рядом с Эверестом».

«Спецслужбы стран НАТО разработали конкретные варианты активной обработки наиболее влиятельных депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, представителей правительственного аппарата и средств массовой информации с целью максимального блокирования российских спецслужб. Особая роль отводится мероприятиям по использованию агентуры влияния в российской прессе и электронных средствах массовой информации, а также других возможностей спецслужб западных стран по увеличению публикаций, дискредитирующих Главное разведывательное управление».

«По мнению сотрудников ГРУ, нельзя упускать из виду и того, что сегодня их ведомство, не подвергавшееся в течение последних нескольких лет таким разрушительным перестройкам и реорганизациям, как и другие отечественные спецслужбы, и продолжающее исправно выполнять свои функции, – большая помеха для многих. Как за пределами России, так и внутри ее».

"По некоторым данным, планы реорганизации правительства возникли еще в начале осени.

Как бы там ни было, премьер после всех кадровых перестановок как никогда крепко управляет правительством, почти завершив победой начатый после возвращения из Сочи контрпереворот".

Глава 9

Итак, картина битвы мне ясна.

Каковы могут быть планы Организации по отношению ко мне? Варианта всего два.

Первый – купить. Полагаю, они все же попытаются это сделать, ибо судят людей по себе, другого эталона ни у кого нет.

Второй – решат, что я буду сам добывать информацию, но с тем, чтобы продать ее на более выгодных условиях, чем предложат они, либо воспользуюсь для своих далеко ли близко ли идущих целей.

К этому эпистолярию – ценный постскрипtum. Они не знают, кто я все же такой и на кого работаю.

Впрочем, меня порою этот вопрос тоже мучит. Значит, будут страховаться. Уже хорошо.

Резюме: меня выведут на серьезный контакт со значительными полномочиями. Ну что ж, на девяносто пять тех самых процентов я готов. Но оставшиеся пять сильно беспокоят. Оперативная информация. В газетах – слезы и домыслы, домыслы и слезы.

А мне нужна обычная милицейская синхронная оперативка.

Значит, «топтунам» без огорчений не обойтись.

Я спросил у ясеня, где моя любимая? Ясень не ответил мне, качая головой...

Я спросил у тополя, где моя любимая, – Тополь забросал меня осеннею листвой...

Мужчина встал из кресла перед камином, подошел к окну. Снег сыплет и сыплет... Такой же снег был когда-то давно, лет десять или пятнадцать назад...

Словно вчера. Господи, как коротка жизнь... Даже по сравнению с тем, что мы пытаемся в нее вместить. Любовь... Честь... Долг... Все меняется, остается это...

У дождя я спрашивал, где моя любимая, Долго дождик слезы лил под моим окном...

Сколько ему тогда было? Ну да, тридцать три, пятнадцать лет назад... Словно вчера...

Как раз столько, сколько этому парню сейчас. Дронов. Птица Додо. Редкая птица.

Мужчина чиркнул спичкой, раскурил тонкую сигару. Да, ему сейчас, как мне тогда... Тридцать три... Вот только за спиной у него – никакого прикрытия, а шансов остаться в живых...

Высокая, в длинном платье девушка подошла сзади, обняла за плечи.

– Сережа, ты опять всю ночь просидел перед камином... Отдыхай, пожалуйста, хоть иногда, – мягко произнесла она.

– А я отдыхал... Придремал эдак по-стариковски...

– Да уж ты старик, – улыбнулась девушка, прижимаясь щекой к его спине. – Вчера вечером особенно... Я даже не помню, как уснула потом... А ты, выходит, работал всю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.